

А.А. Смирнов

**РККА:
РОКОВЫЕ ОШИБКИ
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ АРМИИ
1917—1937**

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Андрей Смирнов

**РККА: роковые ошибки в
строительстве армии. 1917-1937**

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)615

Смирнов А. А.

РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917-1937 /
А. А. Смирнов — «ВЕЧЕ», 2022 — (Военно-историческая
библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8839-9

30-е годы для РККА ознаменовались как рядом громких отставок и политическими репрессиями, выбившими из молодой советской армии «старую гвардию» офицеров — героев Гражданской войны, так и рядом побед. В книге А.А. Смирнова читатель сможет увидеть внутренние процессы, изменявшие советскую армию того периода, познакомится с подлинными документами той эпохи, сможет многое узнать о механизмах воинской подготовки солдат РККА, а также о внедрении новых методов обучения и воспитания бойцов в армии. С опорой на подлинные документы той эпохи автор подробно рассказывает о сложном пути становления Красной Армии, превращения ее из революционного войска в регулярную армию. Благодаря легкости изложения и бережному отношению к исторической правде книга будет интересна не только профессиональным исследователям, но и широкому кругу любителей истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)615

ISBN 978-5-4484-8839-9

© Смирнов А. А., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Введение	7
Глава I	16
Низкий уровень общего образования комсостава и младшего комсостава	16
Нехватка военного образования у комначсостава и военной подготовки у младшего комсостава	36
Недостаточная опытность командного состава	47
Порочная методика тактической подготовки комсостава и младшего комсостава	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Смирнов
РККА: роковые ошибки в
строительстве армии. 1917—1937

Военно-историческая библиотека

© Смирнов А.А., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Введение

Поставленный в науке еще на рубеже 50-х и 60-х гг. XX в. вопрос о роли, которую сыграли в поражениях Красной Армии в 1941 г. массовые репрессии ее командного состава в 1937–1938 гг., не может быть выяснен без детального исследования уровня боевой выучки РККА накануне репрессий. Проведя такое исследование – результатом которого стали наша монография 2013 года¹ и переиздание ее первого тома в виде книги «РККА перед 37-м годом»², – мы пришли к выводу, что, *вопреки укоренившемуся мнению, в «предрепресссионный» период сухопутные войска РККА были подготовлены весьма слабо.*

Такой вывод закономерно влечет за собой другой вопрос: в чем заключались *причины* этой слабой подготовленности? Ответ на него мы попытаемся дать в этой книге, являющейся продолжением книги «РККА перед 37-м годом» (а равно переизданием второго тома нашей монографии 2013 года).

Причины низкого уровня боевой выучки «предрепресссионной» РККА мы начали анализировать еще в работах 2000–2012 гг. – вычленив такие факторы как недостаточное общее и военное образование комсостава, низкий уровень дисциплины и организованности, нехватка денежных и материальных средств, порочная методика боевой подготовки и «невоенный уклад» жизни армии, не позволявший военнослужащим полностью сосредоточиться на боевой подготовке³. Некоторые из этих причин выявил и Г.А. Скипский⁴. К выводу о том, что одной из причин низкого уровня выучки комсостава Красной Армии не только накануне 1941-го, но и накануне 1937 года был низкий уровень его общего образования (порожденный, в свою очередь, классовым принципом комплектования командных кадров РККА), пришел и изучавший параллельно с нами этот вопрос В.И. Харламов⁵.

Исследуя уровень боевой выучки «предрепресссионной» Красной Армии, мы вычленили в качестве «предрепресссионного» периода 1935 – первую половину 1937 года. (1935-й был годом знаменитых Киевских маневров, которые принято оценивать как достижение довоенной Красной Армией вершины своего могущества⁶, – а действительно массовые репрессии в РККА начались во второй половине июня – начале июля 1937-го.)

Далее, ввиду непомерной трудоемкости изучения материала по всем родам войск и военным округам мы оставили за рамками исследования военно-воздушные силы, а в сухопутных войсках – все больше терявшую свое значение на европейских театрах военных действий кавалерию (за исключением входивших в ее состав танковых частей).

Кроме того, мы ограничились привлечением материала по трем самым мощным группировкам «предрепресссионной» РККА – Киевскому (КВО) и Белорусскому (БВО) военным округам и приравненной к военному округу Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). Представление обо всей РККА этот материал давал вполне: ведь в КВО, БВО и ОКДВА в 1935 – первой половине 1937 г. дислоцировалось от 43 до 47 % стрелковых дивизий и от 50 до 60 % механизированных и тяжелых танковых бригад Красной Армии.

Соответственно, эти ограничения приняты нами и при исследовании причин, обусловивших слабость боевой выучки «предрепресссионной» РККА. Или, другими словами, факторов, мешавших *боевой подготовке Красной Армии в 1935 – первой половине 1937 г.*

Правда, документы, освещающие ход боевой подготовки «предрепресссионных» КВО и БВО, сохранились в сравнительно ограниченном количестве. В тех фондах Российского государственного военного архива (РГВА), где должна была отложиться основная их масса – в фондах управлений КВО и БВО, – имеются лишь комплекты секретных и совершенно секретных приказов по КВО за 1935 и 1936 год и подборка приказов и директив политуправления КВО за те же годы. При этом приказы по КВО не отличаются пристальным вниманием к вопросам

боевой подготовки, а фонд управления БВО документов, освещающих ход боевой подготовки в «предрепресссионный» период, не содержит вообще!

Выручают, однако, фонды частей и соединений КВО и БВО, а также фонд Политуправления РККА (ПУ РККА, в обиходе – Главпура). Имеющиеся в них:

- комплекты приказов по двум из 11 стрелковых корпусов КВО и БВО за 1937 год, по одной из 31 стрелковой дивизии за 1936-й и по одному из соответственно 72 и 93 стрелковых полков за 1935-й и 1937-й, а также

- подборки приказов, политдонесений начальников политотделов соединений и протоколов партийных и комсомольских собраний и партконференций по еще примерно полутора десяткам частей и соединений за 1935, 1936 и 1937 годы в своей совокупности образуют *случайную* выборку. Соответственно, результаты анализа этой выборки могут быть уверенно экстраполированы на тот или иной округ *в целом*.

Подчеркнем, что источники из этой выборки чрезвычайно информативны и весьма достоверны. Так, в приказах по частям и соединениям подводятся итоги проверок хода боевой подготовки этих частей и соединений их командованием или представителями вышестоящего штаба – а проверки эти проводились предельно тщательно и по методике, которая выдает в проверяющих знатоков боевой подготовки. А поскольку информация об итогах проверок предназначалась не для начальства, а для подчиненных, она в приказах отнюдь не «лакировалась».

Направлявшиеся вышестоящим политорганам политдонесения (к сбору материала для которых привлекались командиры и другие специалисты) также содержали информацию о ходе и результатах боевой подготовки и, если и приукрашивали истинное положение дел, то ненамного. Ведь, хоть политработники и несли прямую ответственность за боевую подготовку, их статус «надзирающих» за командным и техническим составом ставил их в позицию пусть не стороннего, но все же несколько отстраненного наблюдателя. Ну а обсуждение проблем боевой подготовки на партийных и комсомольских собраниях и конференциях носило не только исключительно деловой, но и невероятно откровенный характер, и ценность этих источников просто не поддается описанию (то же надо сказать и о различных армейских совещаниях – протоколы отдельных из которых сохранились в фонде ПУ РККА).

Кроме того, в фонде Управления боевой подготовки РККА (УБП РККА) отложилось позволяющее прийти ко вполне определенным выводам количество актов, докладов и других материалов проверок боевой подготовки частей и соединений «предрепресссионных» КВО и БВО работниками центральных управлений РККА – боевой подготовки и Автобронетанкового (материалы этого последнего встречаются и в фонде ПУ РККА). Эти источники отличаются теми же достоинствами, что и материалы «внутриокружных» проверок (см. выше). А материалы проверок состояния войсковых соединений работниками ПУ РККА (небольшое количество которых сохранилось в фонде этого управления) – теми же достоинствами, что и политдонесения.

Могут помочь и такие сохранившиеся в фонде ПУ РККА источники, как отчеты КВО об итогах боевой подготовки его войск за 1935 и 1936 годы, аналогичный отчет БВО за 1937-й и черновик отчета политуправления БВО за 1935-й. Конечно, составители таких отчетов – желая выставить свой округ перед Москвой в лучшем свете – старались преувеличивать свои достижения и замазывать недостатки. Но если в таком отчете все-таки упомянуто о каких-либо изъянах, то можно не сомневаться, что эти последние действительно имели место (причем, скорее всего, в куда большем масштабе) ...

В общем, задача изучения факторов, влиявших на боевую подготовку «предрепресссионных» КВО и БВО, может считаться вполне обеспеченной источниками.

Тем более это можно сказать о «предрепресссионной» ОКДВА. Фонды управлений ОКДВА и ее Приморской группы просто изобилуют освещающими проблемы боевой подготовки документами – характеризующими и объединение в целом и почти каждое из его

соединений, вышедшими из-под пера и самих дальневосточников и московских проверяющих, представленными и отчетами для вышестоящих инстанций, и отчетами «для внутреннего пользования», и приказами, и актами проверок, и аналитическими докладами, и донесениями о боях, и протоколами партконференций, и докладами особистов (основанными на материалах, предоставленных командирами и другими специалистами).

Ценным дополнением к этим источникам служат приказы по частям и соединениям и протоколы партсобраний, сохранившиеся в фондах частей и соединений ОКДВА.

Проверить правомочность распространения выводов по трем округам на всю РККА нам позволят стенограммы заседаний Военного совета при наркомате обороны (подводящих итоги учебного года в войсках и отличавшихся сочетанием казенно-оптимистических рапортов о «достижениях», в которых, однако, тоже прорывался подчас «крик души» – со вполне деловыми выступлениями), аналитические доклады и директивы заместителя наркомата обороны М.Н. Тухачевского и начальника 2-го отдела Штаба РККА (с 22 сентября 1935 г. – 2-й отдел Генерального штаба РККА, а с 9 апреля 1936 г. – УБП РККА) А.И. Седякина и посвященные вопросам боевой подготовки приказы, директивы и директивные письма наркомата обороны К.Е. Ворошилова и начальника Штаба РККА (с 22 сентября 1935 г. – Генеральный штаб РККА) А.И. Егорова, составлявшиеся специалистами 2-го отдела Штаба РККА/2-го отдела Генштаба РККА/УБП РККА, который ведал боевой подготовкой. Стенограммы заседаний Военного совета в 1935–1937 гг. опубликованы, но в текстах публикаций, посвященных 1935 и 1937 годам, содержится ряд искажений (почему нам придется обращаться и к подлинникам этих документов).

При выяснении факторов, влиявших на уровень боевой выучки РККА, не обойтись без изучения системы подготовки командных кадров в этот и предшествующий периоды. (Предшествующий мы ограничили 1931–1934 годами: основная масса комсостава «предрепрессионной» РККА была подготовлена именно тогда.)

Эта исследовательская задача источниками обеспечена весьма и весьма солидно. Фонд Управления военно-учебных заведений РККА (УВУЗ РККА) в РГВА – наряду с годовыми отчетами руководства военно-учебных заведений (ВУЗ), приказами, директивами и докладами глав этого ведомства и годовыми отчетами некоторых военных школ – содержит большой массив материалов проверок руководством ВУЗ военных школ (с 16 марта 1937 г. именовавшихся военными училищами). Эти проверки отличались пристальным вниманием абсолютно ко всем сторонам жизни школы/училища: и к квалификации командного и преподавательского состава, и к общеобразовательному и культурному уровню курсантов, и к организации учебного процесса, и к методике преподавания общеобразовательных и военных дисциплин, и к успеваемости, и к политико-моральному состоянию личного состава, и к состоянию дисциплины, и к хозяйственно-бытовым вопросам.

Подобные материалы встречаются и в фонде ПУ РККА. Кроме того, многочисленную и ценную информацию о состоянии боевой подготовки и дисциплины в ВУЗ можно почерпнуть из имеющейся в этом фонде большой выборки материалов проверок военных школ/училищ представителями ПУ РККА, политдонесений и других докладов начальников политотделов школ/училищ и политхарактеристик военных школ (составленных в политуправлениях военных округов на основе не дошедших до нас источников).

В фонде ПУ РККА содержатся также доклады и политдонесения, число которых невелико, но которые предельно ярко и с различных позиций (как заинтересованных лиц, так и сторонних наблюдателей) характеризуют проблемы военных академий и курсов усовершенствования командного и начальствующего состава 30-х гг.

Таким образом, состояние источниковой базы позволяет нам поставить сформулированную выше исследовательскую задачу.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию, уточним ряд терминологических вопросов.

С октября 1924 по сентябрь 1935 г. советское «офицерство» именовалось «начальствующим составом», а с 26 сентября 1935 г. по июль 1943-го – «командным и начальствующим» (во многих документах и устных выступлениях конца 30-х гг. продолжали употреблять старый термин «начсостав»). К *командному составу* при этом отнесли командиров подразделений, частей, соединений, а также лиц, занимавших должности, для исполнения обязанностей которых требовались командный стаж и соответствующая военная подготовка⁷. К *начальствующему составу* с 26 сентября 1935 г. стали относить военно-политический, военно-технический, военно-хозяйственный и административный, военно-медицинский, военно-ветеринарный и военно-юридический состав.

Мы будем именовать советское «офицерство» 20-х – 30-х гг. – применительно к периодам и до, и после 26 сентября 1935 г. – *комначсоставом* (*командным и начальствующим составом*, «командирами и начальниками»). А если речь будет идти только о командном или только о начальствующем (в значении, существовавшем после 26 сентября 1935 г.) составе, то мы будем использовать термины «*комсостав*» («командный состав», «командиры») и «*начсостав*» («начальствующий состав») соответственно.

Напомним, что командиры взводов, рот, эскадронов и батарей (а после введения 22 сентября 1935 г. персональных воинских званий – лейтенанты и старшие лейтенанты) относились к среднему комсоставу, командиры батальонов, дивизионов и полков (а затем капитаны, майоры и полковники) – к старшему, а командиры соединений (а затем те, кто имел персональное звание комбрига, комдива, комкора, командарма 2-го или 1-го ранга и Маршала Советского Союза или, с мая 1940 г., генеральское) – к высшему.

Та категория военнослужащих, которая в дореволюционной России именовалась унтер-офицерами, а с июля 1943 г. именуется в нашей стране сержантами (сержантским составом), в 1924-м – сентябре 1935 г. называлась «младшим начальствующим составом», а с 26 сентября 1935 г. по июль 1943 г. – «младшим командным и начальствующим составом».

Мы будем именовать ее *младшим комсоставом* (*младшим командным составом*, *младшими командирами*) и лишь в отдельных случаях – *младшим комначсоставом*. Ведь подавляющее большинство военнослужащих этой категории, оказывающихся в поле нашего зрения, занимало именно командные должности (командира отделения и помощника командира взвода).

И, наконец, напомним *конкретные выводы, сделанные нами в результате анализа состояния боевой выучки РККА в 1935 – первой половине 1937 г.* Ведь именно ситуацию, охарактеризованную этими выводами, нам предстоит объяснить в этой книге.

Выводы эти таковы⁸.

О «предрепрессивной» Красной Армии нельзя судить по достижениям советских военных теоретиков начала 30-х гг. Знаменитая теория глубокой операции и концепция «глубокого боя» действительно отражали природу и требования современной войны – но реализовать эту теорию и эту концепцию *на практике*, воплотить их в жизнь РККА даже к концу эпохи М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и И.П. Уборевича (то есть к середине 1937 г.) была не в состоянии. Причиной тому была слабая выучка тех, кто *воплощает военные теории в жизнь* — командиров, штабов и войск.

Начать с того, что у основной массы комсостава «предрепрессивной» РККА отсутствовало современное, соответствующее высокодинамичному характеру боевых действий 30-х гг., этой «войны моторов», оперативно-тактическое мышление – тяготеющее к *решительному маневру*, к действиям во фланг и тыл противника и неразрывно связанное с проявлением разумной *инициативы*, с использованием малейшей возможности для того, чтобы навязать

противнику свою волю. Необходимость выработки такого мышления подчеркивалась на каждом шагу – но *на практике* командиры, по меньшей мере тактического звена, и в 35-м, и в 36-м, и в первой половине 37-го, как правило, действовали в бою, не прибегая к смелому маневру, к охватам и обходам, не проявляли инициативы.

В итоге наступательный бой, как правило, выливался у них во фронтальное столкновение – не только излишне кровопролитное по сравнению с действиями во фланг и тыл, но и не приводившее к уничтожению противника (а лишь к его оттеснению – провоцировавшему, в свою очередь, все новые и новые фронтальные столкновения...). При подобном ведении боя должна была забуксовать и состоявшая из боев операция – в том числе и глубокая.

Отсутствие современного оперативно-тактического мышления проявлялось и в фактическом игнорировании основной массой комсостава «дорепрессионной» РККА еще одного требования «войны моторов» – достижения успеха на основе *взаимодействия различных родов войск*. О важности такого взаимодействия (как и решительности, дерзости и инициативы) в Красной Армии тогда говорили чуть ли не 24 часа в сутки – но *на практике* командиры, по меньшей мере тактического звена, сплошь и рядом не придавали достижению взаимодействия родов войск особого значения. Главные *практические* организаторы такого взаимодействия – командиры стрелковых батальонов – в массе своей не слишком заботились о нем еще и в 1936 г.

Еще в первой половине 1935 г. дефицит современного оперативно-тактического мышления был замечен и у командиров оперативно-тактического звена (уровня «дивизия/механизированная бригада – корпус»). Командиры танковых соединений (мехбригад и мехкорпусов) проявляли его еще и в 1936-м – когда ничтоже сумняшеся бросали свои танки в бой без поддержки пехоты и артиллерии. Уровень, на котором находились здесь в 1936-м (и в первой половине 1937-го) командиры оперативно-тактического звена в целом, достоверными источниками не освещен – но и в 35-м, и в 36-м, и в самый канун репрессий 37-го основная масса комсостава РККА *всех звеньев* страдала и куда более серьезным, чем непонимание требований современной войны, пороком – *общей слабостью оперативно-тактического мышления*.

Только такой диагноз можно поставить командирам оперативного (!) звена, которые в массе своей даже и в 1936 г. не понимали истины, открытой еще в IV в. до н. э., и вместо концентрации сил на направлении главного удара равномерно распределяли их по всему фронту. «Тот, кто желает быть сильным везде, не окажется сильным нигде»...

Только слабым можно назвать профессиональное мышление командиров оперативного и оперативно-тактического звена, которые еще и в 1935–1936 гг. (по началу 37-го данных нет) сплошь и рядом планировали операции и ставили задачи подчиненным, не учитывая ни особенностей местности, ни наличия сил и средств, ни времени, необходимого на подготовку боевых действий, – и не заботились об организации связи.

Только слабым можно назвать профессиональное мышление командиров тактического звена, которые и в 35-м, и в 36-м, и в первой половине 37-го сплошь и рядом не заботились о том, чтобы подготовить и поддержать движение своей пехоты в атаку *огнем* хотя бы пехотного оружия. В условиях насыщения обороны автоматическим оружием это было равносильно отправлению войск не в бой, а на убой...

Только слабым можно назвать профессиональное мышление командиров *всех звеньев*, которые и в 35-м, и в 36-м, и в первой половине 37-го поголовно и патологически не желали учитывать в своих решениях данные о противнике – словно принципиально не желая организовывать разведку! – и вопросы тылового обеспечения.

А значительное число командиров тактического звена «предрепрессионной» РККА вообще не умели тактически мыслить. Они не только не проявляли инициативы, не стремились навязать противнику свою волю, но и не могли найти новое решение даже тогда, когда к этому вынуждали действия противника. Не умея действовать в бою иначе как по шаблону, по раз зазубренной схеме, они зачастую доходили с этим своим *неумением думать* до полного

абсурда – продолжая, например, вести свои подразделения в прежнем направлении даже после того, как те натыкались на изрыгающую ливень свинца огневую точку или попадали под кинжальный пулеметный огонь с фланга...

И это, заметим, при том, что главным вероятным противником «предрепрессивной» РККА была германская армия – вся тактика которой основывалась на активности, дерзости и инициативе и внезапности. Частых и быстрых изменений обстановки в борьбе с этой армией следовало ожидать буквально на каждом шагу!

Помимо отсталого или вообще дефективного оперативно-тактического мышления, воплотить в жизнь теорию глубокой операции и концепцию «глубокого боя» – да и просто успешно воевать – комсоставу «предрепрессивной» РККА мешало еще и слабое владение необходимыми командиру *умениями и навыками* — и обусловленное этим слабое умение *управлять войсками*.

«Мы много раз говорили о том, что нужно превратиться в хороших ремесленников, – напоминал 27 ноября 1937 г. на заседании Военного совета при наркоме обороны К.Е. Ворошилов. – Хороший ремесленник не может сделать, скажем, вот такую трибунку сегодня – так, а завтра – ножками вверх. Он делает уже всегда так, как она должна быть сделана. Надо быть хорошими военными ремесленниками»⁹. Вот этими «хорошими военными ремесленниками» командиры РККА времен Тухачевского, Якира и Уборевича в массе своей и не были. Командиры пехотных подразделений сплошь и рядом не знали команд, необходимых для управления огнем, способов подведения своих отделений, взводов, рот и батальонов к рубежу атаки, порядка движения подразделений в атаку; их коллеги-танкисты, как правило, не имели необходимых им для управления подразделениями навыков наблюдения из танка и работы на радиостанции; штабисты всех (!) уровней плохо представляли себе, как осуществлять те или иные свои конкретные функции *на практике*, сплошь и рядом не умели организовать работу на КП и перемещение его без потери связи с войсками, отработать как следует боевую документацию, довести ее до исполнителей, проконтролировать исполнение – и т. д.

Больше того, основная масса комсостава «предрепрессивной» Красной Армии слабо ориентировалась на местности, плохо умела работать с картой, слабо владела штабной графикой, а зачастую и командным языком...

При подобном качестве *исполнения* любые оперативные *замыслы* повиснут в воздухе и любая, даже самая передовая, военная *теория* не сможет быть воплощена в жизнь, не даст *на практике* ожидаемого эффекта.

Не случайно то же взаимодействие родов войск в РККА в 1935 – первой половине 1937 года если и достигалось, то только в начальной стадии боя/операции – а затем, когда изменившаяся обстановка требовала организовать взаимодействие заново, оно исчезало. Вновь проделывать работу по его организации в ходе боя (то есть в напряженной обстановке и в сжатые сроки) командиры и штабы всех уровней были не в состоянии. (Тем более что из всех штабов и в 1935-м, и в 1936-м, и в первой половине 1937-го в РККА хуже всего были подготовлены как раз те, на чьи плечи ложилась основная *практическая* работа по организации взаимодействия родов войск – батальонные.)

Все сказанное выше относится к общевойсковым, пехотным и танковым командирам – главным организаторам современного боя/операции. Однако реализации теории глубокой операции и концепции «глубокого боя» в 1935 – первой половине 1937 года мешала еще и слабая подготовленность комсостава тех родов войск, которые обеспечивали действия пехоты и танков – артиллерии и войск связи.

Командиры-артиллеристы тогдашней РККА не умели обеспечить надежное поражение целей в часто встречающихся на войне условиях недостаточной видимости (ночью, в тумане, в лесистой местности и т. п.) и вообще были в состоянии решать только типовые, шаблонные огневые задачи – явно не соответствуя, таким образом, требованиям современной войны с ее

разнообразием средств борьбы (а значит, и многообразием возникающих боевых ситуаций) ... Комсостав батальонной и полковой артиллерии не только откровенно плохо знал правила стрельбы, но и не умел самостоятельно действовать на поле боя, где ему надлежало вовремя поддерживать огнем пехотные подразделения. А командиры и штабы артиллерийских дивизионов и групп и в 1935-м, и в 1936-м, и в первой половине 1937-го плохо умели массировать огонь артиллерии – то есть обеспечить одно из важнейших условий успеха глубокой операции. Ведь только мощный артиллерийский кулак мог надежно подавить огонь обороны и проложить путь пехоте и танкам.

Командиры-связисты не только плохо знали технику войск связи, но и плохо умели маневрировать связью, то есть организовывать своевременное обеспечение дерущихся войск связью в условиях часто и быстро меняющейся обстановки. В принципе уже одного этого было бы достаточно для того, чтобы захлебнулись и глубокий бой и глубокая операция...

Наряду с низкой выучкой командного состава реализовать теорию глубокой операции и концепцию глубокого боя *на практике* мешала также *слабая выучка войск* «предрепрессионной» РККА.

Одиночный боец пехоты в Красной Армии и в 1935-м, и в 1936-м, и в первой половине 1937-го не имел должных навыков ни в самоокапывании, ни в маскировке, ни в наблюдении за полем боя, ни в выборе позиции для ведения огня, ни в перебежках, ни в переползании, ни в броске в атаку, совершенно не был обучен гранатометанию и штыковому бою. Винтовкой и пулеметом он «владел» так, что стрелял обычно лишь на «двойку» или «тройку» по 5-балльной системе; находить цели самостоятельно, как правило, не мог и сплошь и рядом доводил оружие до технически неисправного состояния и коррозии канала ствола...

Механики-водители танков – те, кто *непосредственно* должен был сделать бой и операцию «глубокими» – в массе своей имели малый опыт вождения и даже к середине 1937 г. не умели вести боевую машину в реальных полевых условиях – только «на плацу танкодрома по ровной местности»! Огневая выучка танкистов РККА и в 35-м, и в 36-м, и в первой половине 37-го была либо откровенно неудовлетворительной, либо колебалась между «тройкой» и той же «двойкой»...

Одиночный боец-связист все эти годы мог передавать и принимать сообщения только с массой искажений – а неудовлетворительная выучка связистов стрелковых и артиллерийских частей и подразделений была важнейшим из обстоятельств, которые мешали обеспечить управление войсками и взаимодействие родов войск в тактическом звене.

В соответствующих источниках (которых обнаружено пока очень мало) то и дело фиксируется и слабая выучка бойца-артиллериста и бойца-сапера.

Слабая выучка *одиночного бойца* (в сочетании с плохим умением командиров управлять войсками) обусловила слабую же подготовку *подразделений и частей* «предрепрессионной» Красной Армии.

Подразделения советской пехоты и в 1935-м, и в 1936-м, и даже в первой половине 1937-го не только далеко не всегда могли взаимодействовать с танками и артиллерией, но и вообще производили впечатление необученных. Их боевые порядки в ходе атаки постоянно расстраивались и превращались в густую толпу, то есть в идеальную мишень для противника.

Танковые подразделения и части в штатном составе и в реальных полевых условиях действовать также не умели.

Практически небоеспособной была батальонная, полковая и противотанковая артиллерия – иными словами, подразделения пехоты при Тухачевском, Якире и Уборевиче должны были драться фактически без непосредственной артиллерийской поддержки. Подготовленность батарей и дивизионов дивизионной и корпусной артиллерии не поднималась выше

посредственной – а в ОКДВА в 1936-м и первой половине 1937 года она была откровенно неудовлетворительной.

Операция, напомним еще раз, складывается из множества боев, а бой ведут бойцы и подразделения – эти *непосредственные исполнители* оперативных замыслов командования. И при подобном *качестве исполнения* любые теоретические достижения в области оперативного (да и тактического) искусства так и останутся теоретическими.

Это, если можно так выразиться, **основное противоречие «предрепрессивной» РККА** прекрасно сформулировал 21 ноября 1937 г., на заседании Военного совета при наркомате обороны, Маршал Советского Союза С.М. Буденный (командовавший тогда Московским военным округом): **«Мы подчас витаем в очень больших оперативно-стратегических масштабах, а чем мы будем оперировать, если рота не годится, взвод не годится, отделение не годится?»** [выделено мной. – А.С.]. «Не надо заниматься, – продолжал он (несколько утрируя в запале свою точку зрения), – высокими материями, а нужно заниматься подготовкой бойцов, отделения, взвода, роты. Рота – это тот инструмент, которым будете делать операцию противнику. Чем я буду оперировать? Пенсне сниму и начну ковырять противника? Рота есть тот операционный инструмент, которым я буду кой-кого подрезать. Роты этой-то и нет»¹⁰. О том же самом говорил на следующий день и начальник Артиллерийского управления РККА командарм 2-го ранга Г.И. Кулик: «Если оружие не будет в порядке, то армия будет не армия, а армия в скобках. **Как бы ни выводили вензеля на наших оперативно-тактических играх, а если материальная часть откажет, то армия небоеспособна** [выделено мной. – А.С.]»¹¹.

В общем, распространенные по сей день представления о прекрасной подготовленности Красной Армии накануне репрессий 1937 года являются ошибочными. Накануне репрессий 1937 года Красная Армия была подготовлена слабо – и не только не могла успешно воплотить в жизнь разработанные ее военными теоретиками концепцию глубокого боя и теорию глубокой операции, но и с трудом могла вести успешные боевые действия вообще.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смирнов А.А. Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). Т. 1–2. М., 2013.

² Смирнов А.А. РККА перед 37-м годом. М., 2022.

³ Смирнов А.А. Большие маневры. С. 89–93; *Он же*. К бою – не готовы. Армия маршала Блюхера накануне 1937 года. С. 76–77; *Он же*. «Рассолдаченная» армия: к вопросу о сломе русской военной традиции после 1917 года; *Он же*. Об истинных причинах нехватки инициативы у комсостава Красной Армии после репрессий 1937–1938 гг. // Пространство и Время. 2011. № 1 (3). С. 79–87; *Он же*. Танки вместо сапог. Из истории быта Красной армии в 1930-е годы // Родина. 2011. № 11. С. 104–106; *Он же*. Эпоха «Больших маневров» 1935–1936 гг. // Легенды и мифы отечественной авиации. Сборник статей. Вып. 3. М., 2011. С. 71–84; *Он же*. Развращенные революцией. Коммунисты и комсомольцы 1920–1930-х годов и воинская дисциплина // Родина. 2012. № 5. С. 102–104; *Он же*. «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной Армии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской Империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 576–609.

⁴ Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920–1930-е гг. С. 16–19.

⁵ Харламов В.И. Офицерский корпус между двумя мировыми войнами // Пространство и Время. 2011. № 1 (3). С. 68–78.

⁶ Анфилов В.А. Вермахт воевал по советским разработкам? // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 30.

⁷ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). С. 32.

⁸ Смирнов А.А. Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). Т. 1. М., 2013. С. 394–399.

⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 501. При публикации этого выступления (Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. Документы и материалы. М., 2006. С. 327) после слова «табуретку» была поставлена запятая, искажающая смысл сказанного Ворошиловым.

¹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 12. При публикации этого выступления (Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. С. 29) оказались опущены слово «мы» перед словами «будем оперировать» и запятая после слова «бойцов». Последнее искажает смысл сказанного Буденным, который имел в виду подготовку не только одиночного бойца, но и подразделений (и в том числе отделения).

¹¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. С. 201.

Глава I

Непосредственные причины слабой боевой выучки «предрепрессионной» РККА

Низкий уровень общего образования комсостава и младшего комсостава

«Как известно, – писал в 1935 г. заместитель начальника 2-го отдела Генерального штаба РККА комкор С.Н. Богомягков, – тактически грамотные командиры – это на 99 % – люди с хорошим общим развитием и широким кругозором. Исключения единичны»¹. Мысль о связи между общим развитием командира и его умением эффективно решать боевые задачи проводил и видный русский военный писатель полковник Е.Э. Месснер, когда отмечал в 1938 г., что «офицерство знающее и – *это самое важное – офицерство интеллигентное* [выделено мной. – А.С.] проливает кровь бережно, как искусный хирург, офицерство же неинтеллигентное «пускает кровь» без меры, как цирюльник»².

Действительно, *недостаток общего развития* и обусловленная им *узость кругозора* неизбежно порождают у командира *тягу к шаблону*, не позволяют ему действовать по обстановке. Ведь человек с небольшим багажом знаний психологически склонен возводить то небольшое, что он знает, в абсолют, смотреть на немногие известные ему сведения как на некую «универсальную отмычку» для разрешения любой проблемы – словом, «держаться устава, яко слепой стены». Именно так и командовали, в частности, в апреле 1932 г. курсанты Среднеазиатской объединенной военной школы – «тактическая подготовка» которых «упиралась, в основном», в «недостаток общей грамотности», в «малограмотность и отсутствие достаточного общего развития». «Шаблон в решениях и в постановке задач, – констатировала проверявшая школу комиссия начальника штаба Среднеазиатского военного округа С.А. Пугачева, – заучивание подаваемых команд и приказных формулировок при недостаточном их осмысливании и недостаточно гибком приложении их к конкретным условиям реальной обстановки»³... Писательница М.С. Шагинян фактически очертила требования к офицеру, когда отметила в 1933 г., что от начальника политотдела МТС требовалось «суметь очень быстро, толково и правильно найти один из *миллиона* способов, отличающийся от остальных девятиста девяти тысяч, которым легче и лучше всего надлежало бы руководить в *данном* месте и при *данных* условиях, отличных от других мест и условий. А эта гибкость и способность ориентации [...] зависит в очень большой мере от *степени интеллигентности начальника политотдела*»⁴.

Вовсе не случайно, что успешными действиями финских войск зимой 1939/40 гг. в Средней и Северной Карелии руководили офицеры, которые «не только получили хорошую военную подготовку, но и принадлежали к интеллектуальной элите страны», были «людьми разносторонними»⁵ и способными поэтому легко переключаться на поиск нового, соответствующего вновь сложившейся обстановке решения. Это начальник Генерального штаба генерал-лейтенант К. Эш (не только выпускник военной академии, но и ученый-ботаник, известный «проявлением интереса к научным тонкостям»), командующий группой «Северная Финляндия» генерал-майор В. Туомпо (являвшийся еще и «специалистом по истории и филологии») и последовательно разбивший советские 163-ю и 44-ю дивизии командир 9-й пехотной дивизии полковник Х. Сииласвуо – стать «находчивым», «расчетливым и изощренным командиром»⁶

которому явно помогло изучение, помимо военного дела, юриспруденции и опыт работы в Министерстве образования.

Именно «повышенный уровень общей интеллигентности» офицеров артиллерии, считал русский военный писатель генерал-лейтенант Б.А. Штейфон, помог им быстрее пехотных усвоить новые требования, выдвинутые Русско-японской войной. Ведь «для усвоения, конечно, не механического, а идейного, всех этих новшеств требовалась соответствующая психологическая подготовка» (психологическая готовность к новому. – А.С.)⁷. Связь между «уровнем интеллигентности» и способностью к усвоению и анализу нового была ясна и генерал-майору Н.В. Нагаеву, характеризовавшему прикомандированного в сентябре 1916 г. к лейб-гвардии 2-му стрелковому Царскосельскому полку поручика лейб-гвардии Драгунского полка А.М. Ставского: «Как офицер с широким кругозором, отлично образованный (окончил университет), он мог быть и действительно был, хотя, к сожалению, и недолго, таким же отличным офицером пехоты, как и конницы», «быстро осваивался с непривычной для него обстановкой окопной жизни и входил в роль командира роты»⁸.

А вот воспоминания участников Великой Отечественной И.Г. Кобылянского и А.З. Лебединцева. Решения командовавшего в 1943–1944 гг. нашей батареей старшего лейтенанта Л.Н. Винокурова, пишет Кобылянский, «всегда были взвешенными и своевременными». А ниже замечает, что в беседах с комбатом – бывшим архитектором, чья речь «выдавала в нем образованного горожанина» – он «ощутил широкий кругозор Льва Николаевича»... Общий кругозор явно помогал и капитану Л.И. Салопу – геологу, ставшему на войне начальником штаба полка и учившемуся в 1944 г. вместе с Лебединцевым на курсах «Выстрел». «Учеба его интересовала мало»: Салоп добивался демобилизации и направления на работу по специальности. Тем не менее ответы на занятиях этот бывший вузовский преподаватель, кандидат наук, давал «всегда аргументированно»⁹...

Лейтенант М.В. Краскин – проявивший, в отличие от большинства командиров РККА – участников пограничных конфликтов 1936–1937 гг. в Приморье, хорошие командирские качества – имел высшее образование и до призыва в армию был директором курсов повышения квалификации инженерно-технических работников.

Правда, само по себе хорошее общее развитие тактической грамотности не гарантирует. Так, командиры полков польской армии, проверенные в 1931 г. виленским армейским инспектором, при «значительной интеллигентности» все-таки отличались «некоторой узостью тактического кругозора, особенно поражающей во встречном бою»¹⁰ (их подводила плохое знание военной науки). Но *слабое* общее развитие (повторим мнение специалиста) – это 99-процентная гарантия «узости тактического кругозора».

«Хорошее общее развитие и широкий кругозор, – продолжал С.Н. Богомягков, – приобретает вся сумма полученного образования и опыта жизни, и то лишь людьми, которые обладают не менее, чем средними умственными способностями. Невозможно простым натаскиванием внедрить эти качества, какие-либо [так в тексте; должно быть: «какие бы». – А.С.] методы мы для этого ни рекомендовали»¹¹. Значение жизненного опыта и способностей в комментариях не нуждается; что же до «всей суммы полученного образования», то ясно, что в данном случае важно образование не только и не столько специальное, сколько *общее*.

Больше того, без достаточного общего образования тактически грамотным командир в 30-е гг. XX в. не мог стать даже и при наличии жизненного опыта и умственных способностей. В самом деле, к чему можно свести задачи командира в боевых действиях того времени – насыщенных разнообразной техникой и потому чрезвычайно динамичных, изобилующих внезапными изменениями обстановки? Прежде всего к тому, чтобы быстро оценить вновь сложившуюся обстановку и адекватно отреагировать на нее – отдав соответствующие команды или распоряжения. Иными словами – к тому, чтобы *проанализировать вновь поступившую инфор-*

мацию и использовать ее в своих интересах. А именно к этому и приучает человека общее образование! Ведь, учась в общеобразовательной школе, человек делает, по существу, то же самое:

- постоянно сталкивается с новой информацией (новым учебным материалом) и
- постоянно же пытается использовать эту информацию в своих интересах, запоминая и анализируя учебный материал (если не для того, чтобы овладеть знаниями, то хотя бы для того, чтобы не иметь неприятностей в школе и дома, получить документ об образовании и т. п.).

Можно выразиться и еще проще: общее образование приучает человека *думать* – а это именно то, что прежде всего требуется от современного командира.

Общее образование, таким образом, не только *побуждает* командира искать адекватное обстановке решение (формируя понимание той истины, что известными ему шаблонами военное искусство отнюдь не исчерпывается), но и дает ему необходимый для такого поиска *навык* – навык умственной работы, *привычку* к такой работе. На это еще в 1815 г. указывал «прекрасно разбиравшийся в сущности офицерской профессии и веяниях времени» саксонский генерал-лейтенант Г. фон Черрини: «Знания, как таковые, бесполезны на поле сражения: с этим легко согласиться. Что нам нужно, так это навык. С другой стороны, особенно в мирное время, скорейший путь к приобретению навыков – образование». «Шаг от знаний к навыкам, возможно, велик, но от невежества – значительно больше», – подчеркивал и командующий сухопутными войсками «веймарской» Германии генерал пехоты Х. фон Зект¹².

Понятно, что чем больше классов общеобразовательной школы закончил командир, тем этот навык, эта привычка к умственной работе у него прочнее. Когда в августе – сентябре 1943 г., во время битвы за Днепр, в 48-м стрелковом полку 38-й стрелковой дивизии 47-й, а затем 40-й армии Воронежского фронта три штатных стрелковых батальона приходилось сводить из-за больших потерь в один, командиром этого единственного батальона стали назначать старшего лейтенанта Т.Ф. Ламко – хотя, в отличие от штатных комбатов, он не имел никакого военного образования и в офицеры был произведен за боевые отличия из сержантов. Дело в том, что Тихон Федорович, был, видимо, единственным в полку офицером с законченным средним образованием – и потому лучше других умел *думать* над тем, как выполнить боевую задачу (соответственно, лучше и выполнял). Если его предшественник ломал голову в основном над тем, как избежать ответственности за невыполнение задачи, то Ламко умел принять решение, *адекватное сложившейся обстановке*; если требовалось – нестандартное. Так, когда вечером 18 августа 1943 г. его роты вынуждены были залечь у переднего края обороны противника, он проанализировал обстановку и, осознав, что:

- бойцы не смогут окопаться, так как вырытые на мокром лугу окопы тут же заполняются грунтовой водой и

- с наступлением утра (когда солнце уже не будет бить немцам в глаза) лежащий на открытом месте батальон будет быстро уничтожен огнем обороны,

решился не ждать назначенной на утро артподготовки и атаковать противника ночью, без выстрела, сделав ставку на внезапность и эффект от залпа ручных гранат. В результате первая траншея заранее подготовленного оборонительного рубежа немцев была захвачена батальоном практически без потерь (при одном убитом и трех раненых).

А вот упомянутые выше курсанты Среднеазиатской школы с их «недостатком общей грамотности», сталкиваясь с новой обстановкой, «в большинстве терялись, медленно реагировали на вводные данные». Не будучи «достаточно» развитыми», продолжала комиссия С.А. Пугачева, они «не могут быть» и «достаточно инициативными командирами»¹³... Отмечая осенью 1935 г., что командиры слабо умеют организовать и вести разведку, управлять войсками «в динамике встречного боя», организовать выход из окружения – словом, действовать там, где быстро изменяется обстановка, где необходимо проявлять инициативу, хитрость, изобретательность, составители годового отчета политуправления Московского военного округа (МВО)

прямо указывали, что одной из причин этого является «низкая общая грамотность начсостава [так официально до 26 сентября 1935 г., а полуофициально и позже именовали комначсостав. – А.С.], особенно среднего».

О том же говорилось и в отчете об итогах боевой подготовки войск Северо-Кавказского округа (СКВО) в 1934/35 учебном году (*в дальнейшем подобные документы будут именоваться годовыми отчетами или отчетами за такой-то год*): плохое умение среднего комсостава организовать современный, динамично развивающийся бой, отсутствие у младшего комсостава твердых навыков в выборе боевых порядков с учетом местности и огня противника и в ведении боя внутри оборонительной полосы противника (то есть по завершении спланированной ранее атаки ее переднего края, в обстановке, требующей *новых* решений. – А.С.) – все это коренится в «недостаточной общей грамотности» младших и «невысокой грамотности» средних командиров (начальник Управления боевой подготовки РККА (УБП РККА) командарм 2-го ранга А.И. Седякин еще и в сентябре 1936-го отмечал, что комсостав СКВО «медленно разбирается в сложной обстановке и много затрачивает времени на принятие решений») ¹⁴.

Умение управлять подразделением «в напряженной, сложной, меняющейся обстановке», освоение тактики, «построенной на внезапности, на тренировке в находчивости, на тренировке в быстроте решений и действий» – все эти задачи, подчеркивал 23 декабря 1934 г. начальник Управления военно-учебных заведений РККА (УВУЗ РККА) Е.С. Казанский, «НЕ БУДУТ РАЗРЕШЕНЫ БЕЗ ДАЛЬНЕЙШЕГО УЛУЧШЕНИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ» ¹⁵.

Наряду с принятием адекватного решения от командира требуется организовать проведение этого решения в жизнь – а это в 30-е гг. также было сопряжено с большим объемом *умственной работы*. Ведь здесь требовалось организовать и взаимодействие родов войск, и разведку, и тыловое и инженерное обеспечение боевых действий, и управление войсками в ходе боя или операции... Отсутствие привычки к умственным усилиям делало очень большим соблазн сэкономить на этих усилиях и организовать все вышеперечисленное лишь в общих чертах – а то и вовсе не организовывать, пустить на самотек. Именно в этом и коренилось, по нашему мнению, столь характерное для «предрепрессионной» РККА игнорирование командирами и штабами необходимости вновь и вновь (по мере изменения обстановки в ходе боя) организовывать разведку и взаимодействие родов войск, управлять «сочетанием огня и движения» подразделения (куда проще просто гнать его в сторону противника, подав единственную команду «Вперед!»), ставить конкретные задачи органам тыла – словом, неумение комсостава организовать бой и управлять им.

В мемуарах участников Великой Отечественной это нежелание советского комсостава напрягать свою мысль, предпринимать *интеллектуальные усилия* высвечивается очень явственно; показательны, в частности, воспоминания трижды Героя Советского Союза А.И. Покрышкина и дважды Героя Советского Союза А.Н. Ефимова. «Боевой летчик, а занялся писаниной», – недоумевали летом 1941 г. пилоты 55-го истребительного авиаполка, наблюдая, как старший лейтенант Покрышкин пытается, анализируя воздушные бои, усовершенствовать тактику истребительной авиации. А в 198-м штурмовом авиаполку весной 1943 г. с недоумением воспринималась даже и такая умственная деятельность командира, которая (в отличие от новаторства в области тактики) является его прямой обязанностью – планирование боевого вылета! Когда ставший командиром звена лейтенант Ефимов стал тщательно планировать перед вылетом действия своей группы над целью, над звеном в полку «посмеивались», «стали называть академиками» ¹⁶...

Еще один мемуарист – офицер-артиллерист В.М. Иванов – со стремлением командиров сэкономить на умственных усилиях сталкивался дважды: в марте 1942 г. на Калининском фронте и в январе 1945-го на 1-м Белорусском. В первом случае командир батальона 208-го

стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии на переданное лейтенантом Ивановым предложение артиллеристов поддержать его атаку огнем двух гаубиц, выдвинутых на прямую наводку, отреагировал словами: «Шляетесь тут со своими картинками», – и обсуждать идею и рассматривать «картинки» (составленную Ивановым схему огня) отказался. Во втором случае командир стрелкового полка 8-й гвардейской армии, который должен был поддерживать дивизион капитана Иванова, сначала вообще заявил последнему: «Обойдемся», а затем предложил ему самому «искать, куда стрелять и откуда корректировать огонь». Поведение комбата Иванов объясняет тем, что тот «находился в нервном возбуждении, сознавая, что для готовившейся атаки у него нет ни сил, ни средств, что она, как и предыдущие, обречена на неуспех и новые жертвы». Но в этом случае он должен был бы смотреть на артиллеристов как на своих спасителей и носить их на руках – а не прогонять их представителя со своего КП. Ведь во время зимнего наступления Красной Армии в 1942 г. – когда артиллерия из-за нехватки снарядов почти не помогала пехоте – поддержка огнем двух орудий (и не каких-нибудь «сорокапятков», а 122-мм гаубиц!) для пехотного комбата должна была показаться просто манной небесной! Тем более, что она свалилась на него в виде подарка; ее не пришлось даже выпрашивать... Все ставит на свои места слово «картинки»: комбата явно отпугнуло то обстоятельство, что, для того, чтобы воспользоваться подарком, надо анализировать какие-то схемы, напрягать мысль... Во втором случае нежелание командира прикладывать лишние умственные усилия сквозит еще более явно (хотя В.М. Иванов и здесь ищет другое объяснение тому, что «командир стрелковой части пренебрегает тесным взаимодействием с артиллерией поддержки», и списывает все на «вздорный характер командира, уверившего [так в тексте. – А.С.] в легкую победу, подобно одержанной» накануне)¹⁷.

Без достаточного общего образования – приучающего людей не только думать, но и формулировать свои мысли (превращая их в связную речь), иметь дело с книгой, текстом, ручкой, карандашом – командиру трудно выработать и такие необходимые ему навыки, как умение быстро составить внятное донесение, сформулировать внятный приказ или распоряжение, быстро и грамотно нанести обстановку на карту, графически изложить на ней свое решение, оценить по карте характер местности и т. п.

Мы не говорим уже о том, что нехватка общего образования не позволяет овладеть техническими и математическими знаниями, необходимыми командирам специальных родов войск. Так, артиллеристам, чтобы быть в состоянии решить *любую* огневую задачу (а не несколько типовых), требовалось владеть теорией стрельбы, а это было возможно лишь при хорошем знании математики. «До тех пор, – напоминал в сентябре 1934 г. начальник УВУЗ РККА Е.С. Казанский, – пока теоретическая часть курса артстрельбы (теория ошибок, математическое ожидание и рассеивание, теория вероятности, теория стрельбы по наблюдениям знаков разрывов и проч.) не будет курсантами твердо усвоена, неизбежны растерянность, схематизм в работе, слабая выработка практических навыков»¹⁸.

А между тем, отмечал в 1933 г. ведавший командными кадрами начальник Главного управления и¹⁹ военно-учебных заведений РККА (ГУ и ВУЗ РККА) Б.М. Фельдман, «общеобразовательная подготовка является самым уязвимым местом нашего начальствующего состава» (который 26 сентября 1935 г. постановили именовать «командным и начальствующим». – А.С.); «ахиллесова пята» всей нашей Красной Армии – это общеобразовательная подготовка²⁰. Это утверждение оставалось абсолютно верным и в 1935 – начале 1937 г. «Общеобразовательная подготовка начальствующего состава, – отмечал в своем докладе от 1 декабря 1935 г. «Об итогах боевой подготовки РККА за 1935 учебный год и о задачах на 1936 г.» начальник 2-го отдела Генштаба РККА А.И. Седякин (по привычке именуя комначсостав начсоставом), – неравномерна и, в большинстве, слабая»²¹. У большинства комначсостава «предрепрессионной» РККА не было среднего образования (9-, а с 1935 г. 10-классного), а у

значительной части вообще имелось лишь низшее, то есть не было даже и неполного среднего (7-классного). Вот, например, те дивизии передового (!) КВО, по которым сохранились соответствующие данные.

Таблица 1

Общеобразовательный уровень среднего и старшего командного состава 24-й и 96-й стрелковых дивизий КВО на 15 февраля 1936 г.²²

Категория комсостава	Дивизия	Общее образование, в %				
		Низшее	Неполное среднее	Всего без среднего	Среднее	Высшее
Средний	24-я	29,8	38,8	68,6	30,1	1,2
	96-я	32,3	38,7	71,0	25,4	3,6
	В среднем	31,1	38,7	69,8	27,8	2,4
Старший	24-я	13,8	50,8	64,6	33,8	1,5
	96-я	26,2	32,8	59,0	36,1	4,9
	В среднем	20,0	41,8	61,8	35,0	3,2
Средний и старший комсостав дивизий в целом		29,0	39,3	68,3	29,2	2,5

А ведь 24-я дивизия была «ударной», а 96-я – приграничной! В 10 соединениях, проверенных в КВО к октябрю 1936-го, ситуация была еще хуже: 40,7 % их командного состава окончило не больше 5 классов. (Среди начальствующего состава – политического, административно-хозяйственного, военно-технического, военно-юридического, военно-медицинского и военно-ветеринарного – 28,4 %²³). В Закавказском военном округе низшее образование было тогда у 60 % командного состава, а в Уральском, к концу 1935-го – у 86,2 %²⁴.

До чего могла доходить слабость общеобразовательной подготовки комначсостава «предрепрессивной» РККА, видно на примере 5-й механизированной бригады БВО. По крайней мере с февраля 1935 г. в этом ударном соединении приграничного округа – предназначавшемся к тому же для самостоятельных действий в глубине обороны противника – служили и такие средние командиры (например, комвзвода 3-го танкового батальона Г.Я. Прибышук и комвзвода стрелково-пулеметного батальона И.Т. Иванов), которые были вообще «без образования»²⁵. Правда (как явствует из таблицы 3), в армии они сумели приобрести знания в объеме как минимум 4-х классов, но той *умственной тренировки*, которую дает посещение общеобразовательной школы, им получить так и не довелось. Общеобразовательные занятия в армии эту тренировку в полной мере заменить не могли: мозг взрослого человека уже не так восприимчив к усвоению и переработке информации, как мозг ребенка и подростка.

С *фактическими знаниями* дело обстояло еще хуже, чем с количеством оконченных классов. Так, в 5-й стрелковой дивизии и 3-й и 5-й механизированных бригадах БВО в 1935 г. служило немало бывших одноклассников²⁶, то есть лиц со средним или высшим образованием, произведенных в средние командиры после одного года службы в качестве бойцов и младших командиров. Но по данным ноябрьской проверки фактических знаний (которой в мехбригадах не избежал никто, а в 5-й дивизии избежали всего 8 человек), средний комначсостав со знаниями в объеме средней и высшей школы в этих соединениях (см. табл. 3) отсутствовал...

Конечно, общеобразовательные знания как таковые (здесь генерал Черрини был прав) на поле боя нужными оказываются редко. Однако без разносторонних знаний нет достаточного

общего развития – дающего, как мы видели, необходимую командиру умственную гибкость. А плохое знание математики и само по себе свидетельствует о недостаточном умении мыслить: ведь изучение математики есть одно из лучших средств для развития мышления. И, между прочим, как минимум у пятой части комначсостава «предрепресссионной» РККА умение мыслить не могло быть хорошо развито уже поэтому. Согласно результатам проверки общеобразовательных знаний кадровых военных, докладывал 8 октября 1936 г. К.Е. Ворошилову заместитель начальника Политуправления РККА (ПУ РККА) армейский комиссар 2-го ранга Г.А. Оsepян, 14,6 % старшего, 23,8 % среднего и 60,0 % сверхсрочного младшего комначсостава Красной Армии «совершенно» не знает алгебры, а соответственно 4,2 %; 7,8 % и 35,6 % – геометрии; «значительная часть старшего и среднего командного и начальствующего состава» вообще «имеет лишь чрезвычайно отрывочные знания по математике»²⁷. Что конкретно стояло за этими формулировками – это видно, в частности, из того, что в 177-м стрелковом полку 59-й стрелковой дивизии ОКДВА служили тогда «целые группы лейтенантов и старших лейтенантов», которые «не могли решить простых арифметических задач» (например, определить, какой процент от 200 составит 6)...²⁸

Вообще же, согласно докладу Г.А. Оsepяна от 8 октября 1936 г., у 10 % старшего и 30 % среднего командного и начальствующего состава (то есть *более, чем у трети всего комначсостава*. – А.С.), а также у 70 % сверхсрочного младшего комначсостава РККА фактические общеобразовательные знания были не выше, чем у выпускника начальной (4-классной) школы. «Остальная масса старшего [ком] начсостава, по данным ЛВО [Ленинградского военного округа. – А.С.] и КВО, типичным для всей армии», имела знания «в объеме 5–6 классов, а среднего [ком] начсостава – 4–5 классов»²⁹. Практически та же картина была и в конце 1935 – начале 1936 г.

- когда в КВО и БВО большинство старших командиров и начальников обладало знаниями в объеме 5–7 классов, а средних – в объеме 4–5 в КВО и 4–6 в БВО,
- когда комначсостав МВО «в общей массе» имел знания в объеме 5–6 классов, а
- «значительная часть» комначсостава Приморской группы ОКДВА – в объеме 5 классов и меньше³⁰...

В Киевском и Белорусском округах так было и в последние перед началом чистки РККА месяцы. В БВО к октябрю 1936 г. у более, чем 50 % старшего комначсостава фактические знания соответствовали тем же 5–6, а у 60 % среднего – тем же 4–5 классам, что и в ноябре 35-го; большинство младших командиров-сверхсрочников 2-й стрелковой дивизии в начале 1937 г. проходило программу 4-го и 5-го классов, то есть обладало знаниями в объеме тех же 3–4 классов, что и (см. табл. 2) в конце 35-го. В КВО к марту 1937 г. (как доложил замначполитуправления округа корпусной комиссар Н.О. Орлов) более 50 % старшего комначсостава «имело знания лишь в объеме 5–6 классов», а остальные – «значительно ниже 8 кл[ассов]»³¹ (то есть надо полагать, в объеме 7 классов) – все, как и в начале 36-го. В Харьковском военном округе (ХВО) в 1936 г. на сборах командиров батальонов ни один комбат не смог сказать, что отделяет от СССР река Днестр; нашелся и помкомполка, не знавший, с кем СССР граничит на западе и где находится Польша...

Если судить по единственной известной нам с этой стороны стрелковой дивизии (21-й), мало что изменилось и в Примгруппе ОКДВА. Зимой 1936/37 г. программу 5-го и 6-го классов в 21-й все еще проходила (то есть все еще имела знания в объеме 5 и меньше классов) такая же значительная часть комначсостава, что и зимой 1935/36 г.: в 61-м стрелковом полку – 57 человек, в 62-м – 83 (почти все!), в 63-м – 58, в 21-м артиллерийском – 34³². Неудивительно, что в 62-м полку даже к маю 1937 г. не добились «того, чтоб командир был инициативен и умел правильно решать [тактические. – А.С.] задачи, умел принимать соответствующие меры в быстро меняющихся обстановках», – и что в 63-м полку таким не оказался ни один из трех

командиров рот и батальонов, столкнувшихся 5–6 июля 1937 г. с японцами у Винокурки... «Такое явление, когда командир небольшой рапорт пишет с 4–5 ошибками, довольно обыденное», – сообщил 16 октября 1936 г. заместитель командующего ОКДВА комкор Я.К. Берзин³³.

Более подробную информацию о фактическом уровне общеобразовательных знаний командначсостава «предрепрессивной» РККА дают таблицы 2 и 3 – характеризующие, подчеркнем, важнейшую стратегическую группировку советских войск на Западном театре военных действий...

Таблица 2

Уровень фактических общеобразовательных знаний старшего и среднего командначсостава и сверхсрочного младшего командначсостава БВО в ноябре 1935 г.³⁴

Категория командначсостава	Предмет	Объем знаний, в %									
		2 кл.	3 кл.	4 кл.	5 кл.	6 кл.	Всего в объеме нижней школы	7 кл.	8 кл.	Всего менее, чем в объеме средней школы	9 кл.
Старший	рус. яз., лит.	—	—	—	33,6	31,4	65,0	28,1	5,9	99,0	1,0
	математика	—	—	—	28,4	40,0	68,4	23,9	6,6	98,9	1,1
	география	—	—	—	35,8	26,0	61,8	25,0	9,6	96,4	3,6
	в среднем	—	—	—	32,6	32,5	65,1	25,7	7,3	98,1	1,9
Средний	рус. яз., лит.	—	8,8	22,9	29,3	26,4	87,4	12,6	—	100,0	—
	математика	—	5,2	15,2	35,8	32,1	88,2	11,8	—	100,0	—
	география	—	4,4	22,8	34,1	25,7	87,0	13,0	—	100,0	—
	в среднем	—	6,1	20,3	33,1	28,1	87,6	12,4	—	100,0	—
Старший и средний командначсостав в среднем		—	4,8	16,4	33,0	28,9	83,1	15,0	1,5	99,6	0,4
Сверхсрочн. младший	рус. яз., лит.	2,4	31,3	39,0	18,3	7,2	98,2	1,8	—	100,0	—
	математика	0,8	26,0	42,4	22,2	7,2	98,6	1,4	—	100,0	—
	география	0,6	20,4	46,0	22,3	8,6	97,9	2,1	—	100,0	—
	в среднем	1,3	25,9	42,4	20,9	7,7	98,2	1,8	—	100,0	—

Таблица 3

Уровень фактических общеобразовательных знаний старшего и среднего командначсостава ряда соединений БВО в ноябре 1935 г.³⁵

Соединение	Категория комнач- состава	Предмет	Объем знаний, в %								
			3 кл.	4 кл.	5 кл.	6 кл.	Всего в объеме нижней школы	7 кл.	8 кл.	Всего менее, чем в объе- ме средней школы	9 кл.
4-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	35,0	46,7	81,7	18,3	—	100,0	—
		математика	—	—	14,8	51,9	66,7	33,3	—	100,0	—
		география	—	—	36,1	44,2	80,3	19,7	—	100,0	—
		в среднем	—	—	28,6	47,6	76,2	23,8	—	100,0	—
	Средний	рус. яз., лит.	11,3	16,1	32,5	18,5	78,4	21,6	—	100,0	—
		математика	13,4	22,9	15,9	28,7	80,9	19,1	—	100,0	—
		география	7,0	34,1	30,8	17,0	88,9	11,1	—	100,0	—
		в среднем	10,6	24,4	26,4	21,4	82,8	17,2	—	100,0	—
	Ст. и сред. комначсостав в среднем		8,8	20,2	26,8	25,9	81,7	18,3	—	100,0	—

5-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	36,1	47,2	83,8	16,7	—	100,0	—
		математика	—	—	48,9	46,7	95,6	4,4	—	100,0	—
		география	—	—	47,1	8,8	55,9	41,1	3,0	97,0	—
		в среднем	—	—	44,1	34,2	78,3	20,7	1,0	99,0	—
	Средний	рус. яз., лит.	18,1	36,6	28,2	17,1	100,0	—	—	100,0	—
		математика	11,2	41,9	16,9	30,0	100,0	—	—	100,0	—
		география	15,0	30,1	22,5	32,4	100,0	—	—	100,0	—
		в среднем	14,8	36,2	22,5	26,5	100,0	—	—	100,0	—
	Ст. и сред. командный состав в среднем		13,0	31,7	25,2	27,6	97,5	2,4	0,1	99,9	—
8-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	64,1	23,9	88,0	9,4	1,7	99,1	0,9
		математика	—	—	53,0	30,8	83,8	12,8	3,4	100,0	—
		география	—	—	37,3	19,1	56,4	26,4	12,7	95,5	4,5
		в среднем	—	—	51,5	24,6	76,1	16,2	5,9	98,2	1,8
	Средний	рус. яз., лит.	8,7	24,6	38,5	28,2	100,0	—	—	100,0	—
27-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	19,3	41,5	60,8	28,2	8,8	97,8	2,2
		математика	—	—	11,8	37,8	49,6	33,9	12,6	96,1	3,9
		география	—	—	11,4	29,5	40,9	44,7	7,6	93,2	6,8
		в среднем	—	—	14,2	36,3	50,5	35,6	9,6	95,7	4,3
	Средний	рус. яз., лит.	6,4	24,7	29,7	27,1	87,9	12,1	—	100,0	—
		география	4,2	23,6	33,2	24,2	85,2	14,8	—	100,0	—
		в среднем	5,3	24,2	31,4	25,7	86,6	13,4	—	100,0	—
	Ст. и сред. командный состав в среднем*		4,2	19,3	28,2	27,6	79,3	18,1	1,7	99,1	0,9
29-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	14,3	41,7	56,0	39,6	4,4	100,0	—
		математика	—	—	20,9	35,2	56,1	41,7	2,2	100,0	—
		география	—	—	17,6	38,5	56,1	43,9	—	100,0	—
		в среднем	—	—	17,6	38,5	56,1	41,7	2,2	100,0	—
	Средний	рус. яз., лит.	—	31,3	50,5	16,0	97,8	2,2	—	100,0	—
		математика	—	32,9	49,6	14,9	97,4	2,6	—	100,0	—
		география	—	33,5	48,2	18,3	100,0	—	—	100,0	—
		в среднем	—	32,6	49,4	16,4	98,4	1,6	—	100,0	—
	Ст. и сред. командный состав в среднем		—	27,4	44,4	19,9	91,7	7,9	0,4	100,0	—
37-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	—	30,2	30,2	64,2	5,6	100,0	—
		математика	—	—	—	41,5	41,5	49,1	5,6	96,2	3,8
		география	—	—	—	9,4	9,4	47,2	37,7	94,3	5,7
		в среднем	—	—	—	27,0	27,0	53,5	16,3	96,8	3,2
	Средний	рус. яз., лит.	—	13,0	36,0	36,8	85,8	14,2	—	100,0	—
		математика	—	10,5	36,3	35,1	81,9	18,1	—	100,0	—
		география	—	—	10,3	38,5	48,8	51,2	—	100,0	—
		в среднем	—	7,9	27,5	36,8	71,2	27,8	—	100,0	—
	Ст. и сред. командный состав в среднем		—	6,6	22,5	34,3	63,4	32,3	3,6	99,3	0,7

43-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	39,1	15,6	54,7	32,8	12,5	100,0	—
		математика	—	—	47,7	27,7	75,4	18,5	6,1	100,0	—
		география	—	—	63,6	12,7	76,3	14,6	9,1	100,0	—
		в среднем	—	—	50,1	18,7	68,8	22,0	9,2	100,0	—
	Средний	рус. яз., лит.	4,9	24,2	25,9	25,1	80,1	19,9	—	100,0	—
		математика	18,2	17,4	27,1	22,3	85,0	15,0	—	100,0	—
		в среднем	11,5	20,8	26,5	23,7	82,5	17,5	—	100,0	—
Ст. и сред. комнатно-состав в среднем**			9,9	17,8	29,1	23,5	80,3	18,3	1,4	100,0	—
64-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	9,8	31,6	41,4	35,3	19,5	96,2	3,8
		математика	—	—	11,1	57,7	68,8	20,6	7,9	97,3	2,7
		география	—	—	46,6	18,0	64,6	22,6	9,0	96,2	3,8
		в среднем	—	—	22,5	35,8	58,3	26,2	12,1	96,6	3,4
	Средний	рус. яз., лит.	—	22,4	33,2	23,7	79,3	20,7	—	100,0	—
		математика	—	9,7	33,0	43,1	85,8	14,2	—	100,0	—
		география	—	—	42,4	40,0	82,4	17,6	—	100,0	—
		в среднем	—	10,7	36,2	35,6	82,5	17,5	—	100,0	—
	Ст. и сред. комнатно-состав в среднем			—	8,7	33,6	35,8	78,1	19,1	2,2	99,4
81-я стр. дивизия	Старший	рус. яз., лит.	—	—	58,4	37,8	96,2	3,8	—	100,0	—
		математика	—	—	60,4	39,6	100,0	—	—	100,0	—
		география	—	—	62,3	32,1	94,4	5,6	—	100,0	—
		в среднем	—	—	60,4	36,5	96,9	3,1	—	100,0	—
	Средний	рус. яз., лит.	23,2	27,9	26,1	17,3	94,5	5,5	—	100,0	—
		математика	16,2	26,1	26,5	24,2	93,0	7,0	—	100,0	—
		география	14,3	27,9	32,4	18,8	93,4	6,6	—	100,0	—
		в среднем	17,9	27,3	28,3	20,1	93,6	6,4	—	100,0	—
	Ст. и сред. комнатно-состав в среднем			15,1	22,9	33,5	22,7	94,2	5,8	—	100,0
3-я мех. бригада	Старший	рус. яз., лит.	—	—	84,2	5,3	89,5	10,5	—	100,0	—
		математика	—	—	5,3	55,2	60,5	36,8	2,7	100,0	—
		география	—	—	5,3	57,9	63,2	36,8	—	100,0	—
		в среднем	—	—	31,6	39,5	71,1	28,0	0,9	100,0	—
	Средний	рус. яз., лит.	—	—	88,4	6,3	94,7	5,3	—	100,0	—
		математика	—	20,3	57,9	17,3	95,5	4,5	—	100,0	—
		география	8,6	23,7	57,2	10,5	100,0	—	—	100,0	—
		в среднем	2,9	14,7	67,8	11,4	96,8	3,2	—	100,0	—
	Ст. и сред. комнатно-состав в среднем			2,3	11,6	59,7	17,2	90,8	8,6	0,2	100,0

5-я мех. бригада	Старший	рус. яз., лит	—	—	20,0	30,0	50,0	35,0	15,0	100,0	—
		математика	—	—	12,5	37,5	50,0	25,0	25,0	100,0	—
		география	—	—	—	—	0,0	23,3	76,7	100,0	—
		в среднем	—	—	10,8	22,5	33,3	27,8	38,9	100,0	—
	Средний	рус. яз., лит	—	14,3	48,3	37,4	100,0	—	—	100,0	—
		математика	—	—	36,4	63,6	100,0	—	—	100,0	—
		география	—	—	77,8	22,2	100,0	—	—	100,0	—
		в среднем	—	4,8	54,1	41,1	100,0	—	—	100,0	—
	Ст. и сред. командсостав в среднем		—	4,1	44,2	37,4	85,7	4,6	9,7	100,0	—

* Без учета знаний по математике (ввиду отсутствия соответствующих данных по среднему командсоставу).

** Без учета знаний по географии (ввиду отсутствия соответствующих данных по среднему командсоставу).

Как видим, *общее развитие* большей части командсостава БВО и полученная ими в наиболее восприимчивом возрасте *умственная тренировка* были явно недостаточными. Уже одно это делает понятным обстоятельство, зафиксированное в приказе командующего войсками округа командарма 1-го ранга И.П. Уборевича № 04 от 12 января 1936 г.: к концу 1935-го командиры рот и батальонов БВО в своих командирских решениях еще не могли подняться выше «усвоенного тактического шаблона»³⁶...

Как видно из таблицы 3, наименее образованным в БВО был командсостав 43-й, 81-й и, как ни странно, «ударных» 4-й и 5-й стрелковых дивизий. Становится понятно, почему в 5-й еще осенью 1936 г. встречались абсолютно не желавшие *думать* командиры. Вспомним, как на Полоцких учениях 2–4 октября 1936 г. в этой дивизии совершенно не заботились об охране своих флангов и об организации разведки на глубину более 1–2 км; как командиры взводов и рот передового батальона 13-го стрелкового полка оказались настолько «малоинициативны»³⁷, что не организовывали разведку, даже приблизившись к переднему краю Полоцкого укрепрайона, как подразделения 5-й в открытую шли на извергавшие огонь доты, как командир 2-й стрелковой роты 13-го полка старший лейтенант Абдулин приказал роте броситься на бетонный дот... в штыки!

После изучения таблицы 3 не приходится удивляться и тактической слабости командиров взводов и рот 27-й (средний комсостав которой был лишь немногим образованнее, чем в четырех перечисленных выше) и 43-й дивизий. Тому, например, что на Лепельском учении в 27-й 17 марта 1935 г. они не только не стремились «охватить, обойти, окружить противника» (предпочитая вести малоэффективное, но простое «равномерное лобовое наступление»), но и не управляли подразделениями. Или тому, что на Идрицком учении в 43-й дивизии 11–17 сентября 1935 г. они «недостаточно» проявляли «инициативу, решительность, расчетливую дерзость» – из-за чего даже «хорошо задуманный сверху маневр» «не находил полного понимания, развития и обеспечения активными действиями снизу»³⁸. Или тому, что командиры взводов 43-й дивизии, назначенных 3 октября 1936 г., на Полоцких учениях, в разведку, ничего для организации этой последней не делали. Такая *умственная неповоротливость, умственная лень* покажется нам совершенно естественной, если мы учтем,

– что даже более грамотный, чем в 27-й и 43-й, комсостав 37-й дивизии и тот в октябре 1936 г. продемонстрировал в массе своей недостаточное знание русского языка (нашлись и «совершенно неграмотные командиры», делавшие «в диктовке из 150 слов 78 грубых оши-

бок») и «совсем неважное» знание географии (когда командиры не знали, как называются столицы западноевропейских государств и путали государства, граничившие с СССР)³⁹,

и вспомним,

– что даже этот более грамотный комсостав, выйдя в октябре 1936 г. на тактические учения, часто «не умел оценивать обстановку, сделать вывод из данных разведки», атаку организовывал «шаблонно, без [отвечающего обстановке. – А.С.] замысла», «без учета обстановки и местности» (словом, выказывал все то же неумение думать, анализировать информацию), «забывал» ставить задачи поддерживающей его артиллерии и своим собственным пулеметам – а то и вовсе не организовывал взаимодействие с ними (то есть проявлял еще и нежелание предпринимать умственные усилия),

– что на Лепельском учении то же неумение и нежелание напрягать мысль, что и комвзводы и комроты, проявляли даже заметно более грамотные, чем они, комбаты 27-й дивизии (точно так же предпочитавшие охватам и обходам «равномерное лобовое наступление», а управлению «сочетанием огня и движения» – крики «Вперед!»),

– в решениях, принимавшихся в марте 1936 г. комбатами 129-го стрелкового полка 43-й дивизии (которые опять-таки были грамотнее своих средних командиров), и то преобладали «шаблон и схематичность» (данные таблицы 3 укрепляют нас и во мнении, высказанном нами ранее – о том, что управлением огнем и движением в 1935 г. пренебрегали комбаты не только 27-й, но и 43-й дивизии)⁴⁰.

Значение отсутствия у большинства комсостава «предрепресссионной» РККА среднего образования – которое только и могло развить человека в умственном отношении до уровня, необходимого командиру 30-х гг. XX в. – хорошо видно и на примере 96-й стрелковой дивизии КВО. Вспомним, как и в апреле 1935-го и в феврале 1937 г. командиры подразделений ее 286-го стрелкового полка выказывали на учениях отсутствие «стремления к маневру во фланг противника», «медлительность, выжидание», тягу к действиям по шаблону, редкое использование засад⁴¹. Связь между этим явным неумением (или нежеланием) среднего комсостава 96-й напрягать мысль и тем, что (см. табл. 1) лишь четверть его имела среднее образование, а у трети не было и неполного среднего, представляется нам несомненной. Именно отсутствие у трех четвертей среднего комсостава среднего, а у трети даже и неполного среднего образования привело к июлю 1937 г. и к наличию в дивизии командиров, не умеющих «формулировать донесение в ходе боя», и к «весьма слабой топографической подготовке» среднего комсостава, и к отсутствию у 50–60 % его навыков выполнения графических работ на карте...⁴²

В ведомости, послужившей источником при составлении таблицы 3, нет данных по 4-й механизированной бригаде – но из общего ряда не выбивалась и она. Одному заключению инспектировавших ее в марте 1935 г. работников 2-го отдела Штаба РККА («Тактическая подготовка – слаба»), закономерно сопутствует другое: «Общеобразовательная подготовка неудовлетворительна». Правда, инспектировавшие видели причину слабости тактической выучки бригады в «отсутствии методических навыков у начсостава», но это отсутствие упиралось все в тот же недостаток общего образования. (О связи между тем и другим напоминали, например, составители годового отчета КВО от 11 октября 1935 г.: «В большинстве случаев еще далеко не достаточна общеобразовательная подготовка (а подчас и элементарная грамотность) младших командиров, а отсюда и трудность привития такому младшему командиру навыков по методике тактической подготовки»)⁴³. Столь же явной представляется и связь между двумя тезисами доклада, подготовленного политотделом 4-й мехбригады к бригадному партсобранию 21 апреля 1937 г.:

а) у комсостава «слаба тактическая и топографическая ориентировка» и

б) «большой процент командиров слабы по русскому языку и математике» (на собрании уточнили, что «очень низкую общеобразовательную подготовку» имеет и младший комсостав, то есть большинство командиров танков)⁴⁴...

Вообще, комначсостав танковых соединений – не только насыщенных сложной техникой, но и являвшихся главной ударной силой РККА – был ничуть не образованнее пехотного. «Общеобразовательная подготовка среднего н[ач] с[остава] низка», – констатировала комиссия заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА (АБТУ РККА) комдива М.М. Олышанского, обследовавшая в июле 1936 г. 1-ю тяжелую танковую бригаду БВО⁴⁵. В 4-й тяжелой танковой бригаде КВО, докладывал 19 августа 1936 г. начальник ее политотдела батальонный комиссар Д.Я. Зубенко, есть командиры и с 4 и с 3 классами образования, есть и такие, которые «плохо пишут и плохо владеют 4 действиями дробей [так в документе. – А.С.]»⁴⁶... В 133-й механизированной бригаде 45-го механизированного корпуса КВО к началу 1937 г. имелось 211 командиров (почти исключительно средних), обязанных сдать экзамены за неполную среднюю школу⁴⁷, то есть комначсостав бригады в большинстве своем имел низшее образование...

Не выше, чем у строевых командиров, был и общеобразовательный уровень комсостава войсковых штабов. Так, в годовом отчете 37-й стрелковой дивизии БВО от 1 октября 1936 г. в качестве одной из двух причин слабой подготовленности штабов батальонов и дивизионов прямо названо «недостаточное общее развитие командиров штаба батальона (дивизиона)» – особенно помощников начальника штаба и начальников связи⁴⁸. Назначенный в 1935 г. начальником штаба одного из танковых батальонов 4-й мехбригады БВО И.М. Колесников окончил лишь 2 класса, лейтенант Ухалов из штаба 40-й стрелковой дивизии ОКДВА в ноябре 1936 г. не знал простых дробей, а задания для командирской подготовки, составленные в конце 1935 г. в штабе 7-й стрелковой дивизии КВО, содержали (помимо 54 профессиональных) 18 грамматических ошибок. «Это разящий пример, показывающий наш общеобразовательный ценз», – подчеркнул 22 декабря 1935 г. на партсобрании начальник штаба 15-го стрелкового корпуса П.А. Ляпин⁴⁹.

Командиров со средним общим образованием доставало и в артиллерии – в том числе и в корпусной и в артиллерии РГК, стрельба из тяжелых орудий которых требовала особенно хорошей математической подготовки. Так, в 17-м корпусном артиллерийском полку 17-го стрелкового корпуса КВО еще к 15 февраля 1936 г. среднее и высшее образование было лишь у двух третей комсостава; у 1,4 % средних командиров было неполное среднее, а почти треть (31,9 % среднего и 26,7 % старшего комсостава) имела только низшее⁵⁰. Проверка весной 1936 г. боевой подготовки дислоцировавшегося в ЛВО 111-го артиллерийского полка РГК показала, что «общеобразовательная и в особенности математическая подготовка командного состава слабая»⁵¹.

Не выделялся и технический состав артиллерии. В начале 1937 г. для многих специалистов была очевидна связь между тем, что Артиллерийская академия РККА выпускает «еще недостаточно квалифицированных инженеров», и «недостаточной общеобразовательной подготовкой» пришедших из строевых частей слушателей академии: «они не могут освоить в результате этого ряда предметов»⁵².

Не выделялся и комначсостав войск связи. Его «техническая подготовка, – прямо отмечалось, например, в годовом отчете ОКДВА от 30 сентября 1936 г., – упирается в слабость общеобразовательного уровня»⁵³. Проверив в начале июля 1936 г. комсостав отдельного батальона связи 2-й стрелковой дивизии БВО, комиссия заместителя начальника УБП РККА комкора Л.Я. Угрюмова выяснила, что по электротехнике и радиотехнике «знания у преобладаю-

щего большинства слабые»⁵⁴. И неудивительно: ни один из 10 проверенных не смог решить ни одной из данных им задач по алгебре и тригонометрии...

«[...] У нас командный состав Пролетарской дивизии развитой в большей степени, чем командиры какой-либо другой части», – подчеркнул 20 февраля 1937 г. на совещании по повышению общего образования в РККА один из политработников 2-го стрелкового полка 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии МВО. Однако, продолжал он, и у нас есть малограмотные; так, на проверке, устроенной в ноябре – декабре 1936 г., ряд командиров 2-го полка сделали в диктанте по 50–60 ошибок⁵⁵.

О том, каким было общее развитие командиров, вливавшихся в Красную Армию еще незадолго до начала массовых репрессий, наглядно свидетельствуют, например:

– сообщение начальника УВУЗ РККА армейского комиссара 2-го ранга И.Е. Славина на совещании комначсостава военно-учебных заведений Киевского гарнизона 7 апреля 1936 г. («Специальной проверкой молодых лейтенантов [выпуска 1935 года. – А.С.] установлено, что за 3 года обучения они выпущены малограмотными»⁵⁶);

– заключение комиссии инспекции автобронетанковых войск РККА, обследовавшей 19 февраля – 2 марта 1936 г. Горьковскую бронетанковую школу («Выпускаемый весной ускоренный выпуск малограмотен»⁵⁷);

– вывод комиссии, проверявшей тогда же 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу («Многие курсанты старшего курса и выпускники безграмотны по русскому языку и слабы по математике; пишут с грубыми ошибками и, упражняясь в логарифмировании, путаются в действиях с простыми и десятичными дробями»⁵⁸), а также

– итоги выпускных испытаний 1936 года в военных школах РККА. На тех, которым подверглись выпускавшиеся в апреле командиры-артиллеристы, многие «показали абсолютную неграмотность, допуская по 20–40 ошибок в диктанте из 120 слов. «Значительная часть, – подытоживал 13 мая 1936 г. И.Е. Славин, – не может правильно написать даже легкие, обычные, повседневно встречающиеся слова. Чтение не беглое [выделено мной. – А.С.], переложение прочитанного слабое. Язык при письменном и устном изложении мыслей беден». Выпускники 2-й Ленинградской артиллерийской школы, писал Славину присутствовавший на испытаниях комдив А.К. Сивков, «плохо владеют» даже «разговорным языком: употребляют неправильные обороты речи, неправильно строят фразу» и «тем самым иногда искажают смысл того, что хотят высказать» (и неудивительно: «минимум художественной литературы, обязательный даже для младшего командира, всем без исключения проверенным не известен даже на 50 %»)⁵⁹.

Часть выпускников артиллерийского отделения Омской объединенной военной школы, докладывав председатель тамошней выпускной комиссии полковник А.А. Вейс, «производит впечатление окончивших школы ликбеза»; когда «им было предложено написать рапорт о прибытии в полк, то пришлось ужаснуться их неграмотности, многие не могли написать слово «артиллерийского» [...]». Да и не только его... «Командир артиллерийского звена литинат [орфография подлинника. – А.С.]», – выводили в рапортах командиру «стрелкового» полка выпускники-омцы; «одним словом, в трех-четырёх строках 8—10 ошибок и самых грубых». «Только единичные товарищи, – продолжал Вейс, – могли правильно составить деловую бумагу, прочие же писали прямо достойное пера «Крокодила». В устной речи они искажали не только слова с иноязычными корнями («отЛегулировать», «эксКренно» и т. п.), но и обычные («одеются» вместо «одеваются», «средства» и т. п.)⁶⁰...

Соответственно, продолжал И.Е. Славин, и «письменное оформление распоряжений и донесений, графика, ведение карты – неумелое и недостаточно грамотное». Донесения выпуск-

ников Омской школы вообще были «не всегда [...] понятны как по своему содержанию, так и [по. – А.С.] внешнему оформлению»)⁶¹.

Часть выпускавшихся в апреле 1936 г. командиров-артиллеристов показала также, что «не только не усвоила элементарных сведений по алгебре, геометрии и тригонометрии, но даже арифметику знает плохо, особенно действия с дробями». Естественно, об овладении теорией стрельбы не могло быть и речи. В итоге, констатировали экзаменаторы, правила стрельбы этими лицами заучиваются «без сознательного их понимания». Соответственно, они не могут и «делать практических выводов из теории» – прилагать ее к «конкретным боевым условиям», в которых проводится та или иная стрельба. Поэтому они «приучены к схеме, шаблону», то есть, будучи «натасканы» на определенных стандартных вопросах, «автоматически применяют» способы решения этих типовых стрелковых задач к любой стрельбе, «не вдаваясь в существо» стоящей перед ними задачи. И «при получении результатов стрельбы, несколько отличных от ожидаемых», «теряются»...

Понятно также, что отличавшиеся «полной неграмотностью», не умевшие даже бегло читать (!) выпускники 1-й Ленинградской артиллерийской школы демонстрировали «неумелое и медленное пользование таблицами стрельбы» и медленно готовили данные для стрельбы, что в принятии тактического решения у них тоже «наблюдался шаблон», что столь же малограмотные выпускники артиллерийского отделения Среднеазиатской объединенной военной школы не умели, «в соответствии с обстановкой, принять самостоятельное решение на подавление целей»⁶² (то есть опять-таки были плохо подготовлены не только как стрелки, но и как тактики).

Малоразвитыми оказались и лейтенанты, выпущенные в артиллерию осенью 36-го. «Изложение недостаточно связное», отмечал присутствовавший на октябрьских выпускных испытаниях в Московской артиллерийской школе помощник начальника 2-го отдела УВУЗ РККА майор С.Б. Софронин; «тяжелое и неправильное построение предложений, бедный язык – характерные черты большинства сочинений», «пунктуация – слабое место». Эта малоразвитость органично сочетается с другими наблюдениями Софронина: «решения часто принимаются шаблонно, не учитывая конкретной обстановки, местности», «особо необходимо подчеркнуть нечеткость и неконкретность распоряжений»⁶³...

В 1-й Ленинградской артиллерийской школе «неуд» за письменные работы по русскому языку и математике получили соответственно 41 % и 52 % октябрьских выпускников (большинство их стало лейтенантами артиллерии со знаниями в объеме лишь 5–7 классов по русскому и 6–8 – по математике). Правда, с теоретическим обоснованием правил стрельбы «затруднилось» только 20 %, но это потому, что по стрельбе выпускников проверяли лишь на задачах № 5 и № 7, а эти задачи, напоминал уже известный нам полковник Вейс, «стреляют отлично даже младшие командиры полевой артиллерии без всякой теоретической основы. Для лейтенанта этого недостаточно, для лейтенанта нужны основательные теоретические знания, а не натаскивание в стрельбе»⁶⁴...

О младшем комсоставе нечего и говорить. Для него, отмечалось в докладе начальника 2-го отдела Генштаба РККА командарма 2-го ранга А.И. Седякина от 1 декабря 1935 г. «Об итогах боевой подготовки РККА за 1935 учебный год и о задачах на 1936 г.», характерно «недостаточное общее развитие, мало выделяющее младшего командира из среды бойцов»⁶⁵. О младших командирах переменного состава территориальных частей 43-й стрелковой дивизии БВО (комплектовавшихся из «малоразвитых» крестьян «районов, сильно отставших в культурном отношении») подчиненный Седякина И.П. Хориков 19 сентября 1935 г. вынужден был доложить совсем резко: «Младший начсостав из переменников в большинстве случаев – пустое место»⁶⁶... После этого не приходится удивляться тому, что фиксировал в своей директиве от 29 июня 1936 г. замнаркома обороны Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский (младший

командир РККА не проявляет инициативы в наступательном бою и не способен к «самостоятельному движению вперед»...)»⁶⁷.

«Очень многое [выделено мной. – А.С.] во всей работе командного и начальствующего состава упирается в недостаточную его общеобразовательную подготовку, особенно старших возрастов», – подчеркивал 8 декабря 1935 г. на Военном совете при наркоме обороны начальник ПУ РККА армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник⁶⁸ (то же можно было сказать и о младшем комсоставе).

Это и *методика тактической подготовки командиров, штабов и войск* – прямо связанная с уровнем тактического мышления (а значит, и общего развития) обучающихся. «Мы в области методики обучения идем по проторенной дорожке, по схеме, по шаблону [...], – писал 2 февраля 1936 г., адресуясь своим подчиненным, командир 1-го стрелкового корпуса ЛВО комдив В.Н. Курдюмов. – А между тем н[ачальник] Г[енерального] ш[таба] РККА требует, чтобы «ведение всего обучения (даже одиночного бойца и отделения) проходило всегда на фоне кризисной обстановки, требующей быстрого, ясного и короткого решения от каждого бойца и командира». [...] А мы стараемся даже в командирские занятия внести схему, статику. Впрочем, это легко объяснить: *каков руководитель – таково и занятие* [выделено мной. – А.С.]»⁶⁹.

Это и *методика огневой подготовки* – овладению которой мешало то обстоятельство, что малограмотные командиры плохо знали теорию стрелкового дела. Жалобы на это мы находим и в годовом отчете КВО от 4 октября 1936 г., и в документах единственного стрелкового корпуса (15-го) и обеих стрелковых дивизий (44-й и 45-й) этого округа, от которых сохранилась документация за 1936 год, и в приказах по единственному такому корпусу БВО (23-му), и в документах одной из двух мехбригад БВО, от которых сохранились документы за первую половину 1937-го (4-й), и в докладе временно исправляющего должность (врид) начальника штаба ОКДВА комбрига Э.Я. Магона о состоянии боевой подготовки армии к 15 июля 1937 г. (основанном на материалах за май – июнь) ... Плохое знание математики и общая малоразвитость не позволяла комсоставу «решительно взяться за сознательное, а не механическое изучение теории стрельбы»⁷⁰, и бойцам он подчас – как, например, в 132-м стрелковом полку «ударной» (!) 44-й стрелковой дивизии КВО зимой 1935/36 г. – теорию просто не объяснял. «А отсюда неумение воспитать вполне сознательного и самостоятельного стрелка»⁷¹...

Вполне естественно, что особо «слабым местом» оказывались здесь сложные стрельбы из станковых пулеметов⁷². Они требовали очень серьезных математических знаний, а уровень теоретической подготовки тех, кто должен был обучать бойцов, вииден уже из оценки, данной 4 августа 1935 г. на заседании полкового бюро ВЛКСМ пулеметному взводу одной из стрелковых рот 130-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии КВО. Младшие командиры, отметил ответственный секретарь бюро, «не знают теории стрелкового дела» и поэтому не используют необходимую для сложных стрельб линейку Филатова; не использует ее и сам комвзвода⁷³. И это в «ударной» дивизии передового округа...

Это, далее, *знание топографии* – которое у основной массы командиров РККА еще к лету 1937 г. было, как мы видели, плохим. Лейтенантов и старших лейтенантов, которые не могли (см. выше) вычислить, сколько процентов от 200 составит 6, явно поставила бы в тупик и задача, с которой не справился ни один из 35 проверенных в апреле 1932 г. курсантов ускоренного курса Среднеазиатской объединенной военной школы с их «недостаточным знанием простейшей арифметики»: перевести линейный масштаб в численный⁷⁴. Или задача, которую в 1934-м не смог решить даже один из самых сильных в математике курсантов той же школы:

определить масштаб карты, если расстоянию в 375 м на местности соответствует расстояние в 1,5 см на карте...

Это, наконец, и *элементарное управление войсками и их обучение*. «Большинство» командиров, закончивших военные школы, отмечал в 1930 г. начальник управления военно-учебных заведений Главного управления РККА (УВУЗ ГУ РККА) А.И. Тодорский, «не могут ясно докладывать и отдавать распоряжения. Многословие часто не позволяет красноармейцу уловить, чего требует от него командир»⁷⁵. При охарактеризованном выше уровне знания выпускниками военных школ русского языка такие случаи должны были быть частыми и в середине 30-х. Еще в начале июня 1937 г. бойцов 8-й стрелковой роты 62-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии ОКДВА приводили в недоумение вопросы командира полуроты: «Какую задачу занимает пехота?», «Где занимаю [sic! – А.С.] станковый пулемет в обороне?». А помощника начальника 2-го отдела штаба ОКДВА капитана Воронова – формулировка, которую выдал 13 мая 1937 г. на занятии с младшим комсоставом командир 3-й стрелковой роты 6-го Хабаровского отдельного стрелкового полка старший лейтенант Л.В. Симонов: «Цель настоящего урока, товарищи, дать практику в определении сторон горизонта, по части света, солнцу и как определить»⁷⁶...

Командование РККА пыталось повысить общеобразовательный уровень комначсостава, организуя для него обязательные занятия по русскому языку, математике, географии и физике. Распоряжением начальника Генерального штаба РККА Маршала Советского Союза А.И. Егорова от 6 января 1936 г. высшим и старшим командирам с неполным средним образованием на занятия общеобразовательной подготовкой (не считая времени на выполнение домашних заданий) отводилось 8 часов в месяц, молодым командирам выпусков 1934 и 1935 гг. – 12, комначсоставу с низшим образованием – 16. Однако *общеобразовательная подготовка комначсостава в войсках* была крайне малопродуктивной.

Во-первых, обучаемые систематически пропускали занятия. В 1935-м «низкий процент посещаемости» общеобразовательных занятий был «обычным явлением почти во всех частях» РККА⁷⁷. Зимой 1935/36 г. у среднего комначсостава КВО процент явки составлял обычно 65–75, а у старшего 40–50 (в 51-й стрелковой дивизии в январе и феврале 1936 г. – и вовсе 15)⁷⁸. В 1936-м в МВО посещаемость составляла 60–85 %, в ЛВО – 50–80 %, в КВО – 65–75 % (в 4-й тяжелой танковой бригаде в июне – июле отмечалась 79–85-процентная явка, но в 133-й механизированной в ноябре – лишь 50–60-процентная)⁷⁹. Не лучше было и в БВО; так, на общеобразовательных занятиях в 5-м стрелковом полку 2-й стрелковой дивизии 4 марта 1936 г. вместо 95 командиров присутствовало лишь 40... В начале 1937 г. у среднего комначсостава этого полка процент явки на эти занятия составлял не более 50, у старшего комначсостава 4-й механизированной бригады БВО – 50–60, у комначсостава 133-й мехбригады КВО – 40–50. Только в четвертом из известных нам с этой стороны соединений трех самых крупных военных округов – 21-й стрелковой дивизии ОКДВА – этот процент доходил тогда до 60–65 (в 61-м стрелковом полку), 70–75 (в 21-м артиллерийском) и даже до 70–80 (в 62-м стрелковом)⁸⁰.

Во-вторых, обучаемые плохо готовились к занятиям, систематически не выполняя домашние задания. Согласно докладом и годовым отчетам политуправлений КВО и БВО (с 1936 г. за общеобразовательную подготовку отвечали политорганы), в 1936-м это было общим явлением; о том, что командиры и младшие командиры-сверхсрочники занимаются плохо, заместитель начальника политуправления КВО корпусной комиссар Н.О. Орлов докладывал и в марте 1937-го. «Все еще низкая подготовка по заданному материалу к занятиям»⁸¹ отмечалась тогда и в тех соединениях трех округов, от которых остались подборки политдонесений за начало 1937 г. – в 1-й тяжелой танковой бригаде БВО и 21-й стрелковой дивизии ОКДВА.

Итоги такой «учебы» подвела, например, комиссия УБП РККА, проверившая в июле 1936 г. отдельный батальон связи 2-й стрелковой дивизии БВО: «Занимаются как будто регулярно, а данные задачи по алгебре, тригонометрии никто из комсостава (группа в 10 человек) решить не мог»⁸².

Плохую подготовку к занятиям обуславливали, с одной стороны, «слабая требовательность» преподавателей и «отсутствие ответственности» за невыполнение домашних заданий⁸³, а с другой – нехватка у обучаемых времени. «Значительный процент командиров или не желают выполнять домашние задания, – отмечалось 20 февраля 1937 г. на совещании по повышению общего образования в РККА, – или не имеют возможности заниматься. Сверхсрочники слабо готовятся дома и они всегда ссылаются или на политсоборание или на массовую работу. Часть из них ссылается на то, что они ежедневно составляют конспекты по политзанятиям»⁸⁴. (Как известно, в Красной Армии можно было пренебречь чем угодно – но только не полит-учебой).

В-третьих, командование и политорганы часто плохо организовывали (а то и срывали) общеобразовательную подготовку. Она то назначалась на часы, когда командиры должны были заниматься другими делами по службе, то, наоборот, заменялась совещанием у командира бригады, партсоборанием и т. д. Большинство частей КВО в 1935 г. не сумели обеспечить учебниками, а, по крайней мере в 95-й стрелковой дивизии еще в январе 1936-го не было и письменных принадлежностей. А ОКДВА страдала от нехватки в ее таежной глуши квалифицированных преподавателей.

Поэтому в 1935-м срывы общеобразовательных занятий были «обычным явлением почти во всех частях» РККА, а в КВО летом того года общеобразовательная подготовка вообще была «почти полностью свернута»⁸⁵. Срывы ее не прекращались там и в 36-м. «Ежегодно мы пишем в планах о общеобразовательной подготовке с сверхсрочниками, – говорилось еще 15 декабря 1936 г. на партсоборании штаба 15-го отдельного корпусного зенитно-артиллерийского дивизиона КВО, – но она не организована так, как это необходимо – часто срывается она»⁸⁶.

В итоге общеобразовательная подготовка комначсостава в войсках сводилась к тому, чтобы «заниматься и заниматься без перспективы»⁸⁷. Весь «предрепрессивный» период в трех крупнейших округах констатировалось одно и то же:

– достижения в общеобразовательной подготовке «еще крайне малы» (годовой отчет КВО от 11 октября 1935 г.);

– «значительная часть командиров и начсостава, главным образом старшего, слабо усвоили пройденные предметы» (годовой отчет политуправления КВО от 4 октября 1936 г.);

– результаты общеобразовательной подготовки «незначительны» (заключение начальника культпросветотдела ПУ РККА полкового комиссара Б.И. Ризера по итогам обследования частей БВО, стоявших летом 1936-го в лагере «Савецкая Беларусь»);

– эффективность общеобразовательной подготовки комсостава артиллерии невысока (годовой отчет ОКДВА от 30 сентября 1936 г.);

– старшие командиры частей Славянского гарнизона и средние командиры управления дивизии «остались с теми же чрезвычайно низкими знаниями, какие были у них и в начале учебного года» (приказ по 40-й стрелковой дивизии ОКДВА № 0117 от 19 ноября 1936 г.)⁸⁸ – и т. п. Весной 1935 г. зачет по алгебре и геометрии в КВО смогли сдать только 50 % старших и 47 % средних командиров, по русскому языку – соответственно 50 % и 44 %, по географии – 30 % и 41 %, по физике – 24 % и 18 %, по тригонометрии (которую сдавали только средние командиры) – 17 %. В 1936-м в 17-й механизированной бригаде 18 %, а в 96-й стрелковой дивизии 21 % проверенных по общеобразовательным дисциплинам командиров и начальников пришлось оставить в том же классе на второй год; «примерно такая же картина» была тогда «и

в других дивизиях» КВО⁸⁹. В Киевском и Житомирском гарнизонах к декабрьским экзаменам 1936 года не подготовился ни один командир. Перед мартовскими экзаменами 1937-го та же ситуация сложилась в 4-й и 81-й стрелковой дивизиях, 16-й и 21-й механизированных бригадах и еще в пяти соединениях БВО (всего на экзамены в этом округе тогда смогли выйти лишь 228 из более чем тысячи командиров, а из 182 сдававших за неполную среднюю школу сдали только 105⁹⁰)...

Нехватка военного образования у комначсостава и военной подготовки у младшего комсостава

Коснувшись на заседании Военного совета при наркомате обороны 8 декабря 1935 г. вопроса о военной подготовке комсостава Красной Армии, начальник ПУ РККА армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник признал, что «в ряде звеньев эта подготовка слаба, а в целом явно недостаточна»⁹¹.

Во-первых, значительная часть комсостава «предрепрессионной» РККА не имела *полноценного военного образования, то есть образования в объеме нормальной военной школы* (по терминологии, принятой в России до 1918-го и в СССР после 16 марта 1937 г. – военного училища; «нормальными» эти школы с 2—3-летним сроком обучения называли, чтобы подчеркнуть их отличие от краткосрочных командных курсов времен Гражданской войны). Эта часть командиров закончила:

- либо 3—4-месячные советские командные курсы 1918–1923 гг.,
- либо ускоренный курс нормальной военной школы (к этой категории следует отнести и бывших офицеров русской армии производства 1915–1917 гг. – прошедших лишь 4-, 6- или 8-месячный ускоренный курс военного училища либо 3—4-месячный курс школы прапорщиков),
- либо 4-, 6- или 8-месячные курсы среднего начсостава (с конца 1935 г. – курсы лейтенантов), работавшие с 1933 г. при военных школах и штабах корпусов, округов и Приморской группы ОКДВА (на них направляли младших командиров сверхсрочной и, реже, срочной службы и годовичников, то есть лиц со средним и высшим образованием, призванных на годовичную срочную службу с целью подготовки из них командиров РККА).

Во-вторых, часть комсостава «предрепрессионной» РККА *вообще не имела военного образования* (в лучшем случае закончив полковую школу – где готовили младших командиров – или пройдя курс подготовки командира запаса в гражданском вузе).

Представление об удельном весе обеих этих частей можно получить, взяв данные по самому крупному советскому военному округу – Украинскому/Киевскому. Из «Отчета о состоянии боевой подготовки соединений и специальных частей УВО» от 17 октября 1934 г. явствует (см. табл. 4), что всего за год до знаменитых Киевских маневров в одной из трех важнейших стратегических группировок РККА полноценного, а то и вообще какого бы то ни было военного образования не имели *как минимум* 31,8 % среднего, 18,8 % старшего и 20,9 % высшего комсостава, то есть *как минимум* около 25 % общего числа командиров (как минимум – так как неизвестно, сколько из окончивших нормальные школы прошли лишь ускоренный их курс).

Таблица 4

Уровень военного образования комсостава УВО на 17 октября 1934 г. (в %) ⁹²

Категория комсостава	Закончило			Сдало за норм. школу экстерном	Из		закончило		Без воен. образования
	Академии	КУКС	Норм. воен. школы		Одногодичников	Сверхсрочников	Команд. курсы	Воен. школы рус. армии	
средний	0,1	11,5	51,9	4,7	10,8	4,1	2,9	0,4	13,6
старший	5,6	30,8	41,6	3,2	0,7	0,4	4,0	2,1	11,6
высший	50,0	20,8	8,3	—	—	—	17,5	1,7	1,7

Примечание. КУКС – курсы усовершенствования командного состава.

Спустя два года в выделенном из УВО Киевском округе этот процент стал еще больше. 4 октября 1936 г. начальник политуправления КВО армейский комиссар 2-го ранга М.П. Амелин доложил в Москву, что в 10 проверенных в округе соединениях военного образования в объеме нормальной военной школы не имеет 38 % комсостава (а с учетом прошедших лишь ускоренный курс такой школы и еще больше. – А.С.) и 48,8 % начсостава!⁹³ Такие командиры (хотя и в меньшем числе) служили даже в «ударной» 24-й и приграничной 96-й стрелковых дивизиях и в таком важном инструменте глубокой операции как 17-й корпусной артиллерийский полк с его тяжелыми орудиями (см. табл. 5).

Таблица 5

Уровень военного образования командного состава ряда частей и соединений 17-го стрелкового корпуса КВО на 15 февраля 1936 г. (в %) ⁹⁴

Соединение (часть)	Категория комсостава	Окончило			Из		Окончило воен. школы русской армии	Без воен. образования
		Академии	КУКС	Норм. воен. школы	Одногодичников	Сверхсрочников		
24-я стр. дивизия	средний	0,3	18,0	63,0	14,0	3,4	—	1,2
	старший	8,7	30,4	50,7	—	—	3,0	7,2
96-я стр. дивизия	средний	—	21,1	60,9	3,2	9,3	—	3,6
	старший	8,2	86,9	—	—	—	1,6	3,3
17-й корп. арт. полк	средний	—	—	72,5	18,8	7,3	—	1,4
	старший	—	33,3	46,7	—	—	6,7	13,3

В другой половине бывшего УВО – Харьковском округе – процент комсостава без военного образования в объеме нормальной школы до 35–40 дошел еще в 1935-м: согласно годовому отчету ХВО от 5 октября 1935 г., не имевшие «систематического военного образования» бывшие сверхсрочники и одногодичники составляли тогда 43 % среднего комсостава округа⁹⁵. При этом в пехоте ХВО такими бывшими сверхсрочными младшими командирами – пропущенными лишь через 6–8-месячные курсы – были *почти все* командиры взводов и 75 % командиров рот!⁹⁶

«75 % ротных командиров из бывших сверхсрочников, не имеющих образования [в объеме. – А.С.] нормальной школы – очень много», – подчеркнул 8 декабря 1935 г. на Военном совете при наркомате обороны командующий войсками ХВО И.Н. Дубовой; «их подготовка,

конечно, недостаточна»⁹⁷. А между тем немногим лучше обстояли тогда дела и в такой важнейшей стратегической группировке войск РККА, как Белорусский военный округ!

Побывав в марте 1935 г. в 27-й стрелковой дивизии БВО, заместитель начальника 2-го отдела штаба РККА С.Н. Богомятков тоже отметил, что «пехота вынуждена выращивать значительную часть среднего комсостава из состава младших командиров»⁹⁸. К январю 35-го немало бывших сверхсрочников влилось (вместе с одногодичниками) и в комсостав «ударной» 5-й стрелковой. А 1 июля 1935 г. масса бывших младших командиров пополнила комсостав и таких ударных соединений БВО, как 3-я и 4-я механизированные бригады и 1-й танковый полк – став там командирами танковых взводов (на эти же должности их назначали и в 5-й мехбригаде. А в 7-м механизированном полку 7-й кавалерийской дивизии в мае 35-го бывшие младшие командиры возглавили три из четырех взводов 2-й полковой школы, то есть учебного (!) подразделения...

Тогда же в комсостав танковых частей и соединений БВО влилась масса одногодичников. В 3-й и 5-й мехбригадах они составили значительную часть помощников начальников штабов танковых батальонов и комсостава артиллерийских подразделений, заняли ряд должностей техсостава, возглавили 3 из 18 танковых взводов 2-го и 3-го танковых батальонов 5-й мехбригады и все три взвода разведроты 3-й мехбригады. А трое сразу получили танковые роты – две во 2-м и одну в 3-м танковом батальоне 5-й мехбригады!

Бывало и еще хуже. В 29-й стрелковой дивизии БВО в том году должности среднего комсостава «весьма часто» замещали «лицами мл[адшего] нач[альствующего] состава», то есть лицами, не произведенными в командиры РККА и, следовательно, *не имевшими никакого военного образования!*⁹⁹ Просматривая приказы по 109-му стрелковому полку 37-й стрелковой дивизии (единственной стрелковой части БВО, от которой сохранились документы за 1935–1937 гг.), мы обнаруживаем, что на 29 июля 1935 г. военного образования там не имели:

- 16,6 % помощников командиров стрелковых и пулеметных рот (2 из 12),
- 20 % командиров стрелковых и пулеметных взводов (9 из 45),
- 25 % командиров батарей (1 из 4),
- 66,7 % командиров взводов связи (4 из 6)
- и единственный в полку помощник командира роты связи¹⁰⁰.

Правда, в сентябре все они должны были сдать испытания за курс нормальной военной школы, но для таких, как они, это было не так-то просто. В УВО весной 1935 г. держать испытания прибыли «совершенно неподготовленные» командиры; из 105 младших командиров Приморской группы ОКДВА, экзаменовавшихся в октябре 1935 г. по курсу нормальной школы или по программе подготовки командира запаса, испытания, «несмотря на слабые требования», выдержали только пятеро¹⁰¹.

Одну лишь полковую школу закончили и старший лейтенант А.С. Соколов – командовавший в 1935–1937 гг. одной из рот 11-го стрелкового Сычевского полка «ударной» 4-й стрелковой дивизии – и П.С. Никитин, назначенный в мае 1935 г. командиром взвода учебной (!) роты отдельного танкового батальона 37-й стрелковой дивизии. Это только то, что известно из немногих сохранившихся от «предрепресссионного» БВО приказов по округу о перемещениях комсостава...

Массовое пополнение комсостава «выдвинутыми из числа младших командиров» и призванными из запаса (то есть, как правило, тоже не кончавшими нормальной школы. – А.С.), «значительная часть» которых «представляет собой малоопытных, недостаточно подготовленных как в общеобразовательном отношении, так и по специальной подготовке командиров», – отметил и годовой отчет политуправления КВО от 4 октября 1936 г.¹⁰² Правда, в годовом отчете КВО от того же числа указано, что все произведенные в 36-м в лейтенанты сверхсрочники были пропущены через курсы¹⁰³, но толку от этого могло быть и немного. Как признал 13

октября 1936 г. на Военном совете при наркоме обороны замнаркома М.Н. Тухачевский, звание лейтенанта в 36-м получили и «многие» «недостаточно подготовленные» для этого младшие командиры¹⁰⁴...

В пехоте СКВО к осени 1936 г. военного образования не имели 30 % командиров рот и полурот – вышедшие из сверхсрочников и одногодичников¹⁰⁵.

«Наши кадры – особые», – внушал 9 ноября 1936 г. подчиненным командующий ОКДВА В.К. Блюхер¹⁰⁶. Однако в 63-м стрелковом полку его 21-й стрелковой дивизии – который как раз в том месяце начал по-настоящему воевать с японцами! – военного образования в объеме нормальной школы тоже не имела тогда *как минимум* треть командиров рот. Из 15 его рот (стрелковых, пулеметных и тяжелого оружия) 5 возглавляли лейтенанты и старшие лейтенанты, произведенные из младших командиров (а всего в полку таких выдвиженцев было тогда 19). Сформированные в 1936 г. роты тяжелого оружия в частях Приморской группы ОКДВА обычно вверяли младшим командирам; если так было и в 63-м полку, то тогда командиров рот без полноценного военного образования в нем насчитывалось и вовсе 50 %¹⁰⁷.

При этом некоторые такие комроты военного образования, возможно, не имели вообще! В 26-й стрелковой дивизии ОКДВА младший командир Коваленко (кстати, в армию пришедший «совершенно неграмотным») получил 2-ю стрелковую роту 78-го стрелкового полка – которому вскоре после этого, 1 февраля 1936 г., тоже пришлось столкнуться с японцами – просто после пяти лет сверхсрочной службы, без прохождения каких бы то ни было курсов¹⁰⁸. На помощь завязавшему бой батальону 78-го полка был выслан тогда сводный танковый взвод 2-й танковой роты 2-го танкового батальона 2-й механизированной бригады – и двумя из трех штатных танковых взводов в этой роте тогда тоже командовали выдвиженцы из младшего состава (Ф.П. Шнайдер и Бурдык)...

Ситуация, когда порядка 40–45 % комначсостава РККА не имело полноценного военного образования, сохранялась и в первой, «дорепресссионной» половине 1937 г. Так, в 40-й стрелковой дивизии ОКДВА весной 37-го такого образования не было у 40 % командиров и начальников (кстати, осенью 35-го – только у 25 %) ¹⁰⁹. Правда, на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б) К.Е. Ворошилов заявил, что среди *командного* состава законченного военного образования нет лишь у 10 % ¹¹⁰, но это начисто не согласуется с тем, что еще осенью 36-го даже в приграничном КВО этот процент доходил (см. выше) до 38.

Показательны данные случайной выборки, образованной теми из стрелковых батальонов, признанных по итогам 1936/37 учебного года лучшими в своих округах или соединениях, по которым удалось найти хотя бы частичные сведения об их комсоставе. Таких батальонов два – и в обоих оказывается *как минимум* по одному командиру роты, не кончавшему нормальной школы (причем получившему роту еще до начала чистки РККА). Лучший комроты 1-го батальона 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии БВО лейтенант И.Н. Хорошкевич окончил лишь курсы лейтенантов при 5-м стрелковом корпусе, а командир одной из рот 2-го батальона 146-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии МВО – лишь «сокращенные» курсы при Нижегородской пехотной школе. То есть даже среди командиров рот в этих двух батальонах лица «без законченного военного образования» составляли *как минимум* 25 %. С учетом же и командиров взводов этот процент мог приближаться к тем же 38–40 и в любом случае намного превышал ворошиловские 10 %.

Что до прошедших ускоренный курс нормальной военной школы, то в последнем году, когда производились *массовые* ускоренные выпуски – 1932-м – «ускоренники» составили треть (32,9 %) выпущенных командиров пехоты, свыше трети (38,1 %) командиров артиллерии (без конной), более половины (58,2 %) командиров инженерных войск и абсолютное большинство (83,6 %) командиров-связистов¹¹¹. А окончившие в 1932–1933 гг. бронетанковые школы

«ускоренниками» были поголовно (вместо 3-летнего курса они прошли 8-, 13- или 18-месячный). И, например, в ОКДВА в 1933–1937 гг. комсостав танковых частей «главным образом» из таких лиц – продукта «ускоренных выпусков из автомобильных и танковых школ в 1931—33 году» и переподготовки на 4—7-месячных курсах из пехотинцев, артиллеристов и конников – и состоял¹¹²...

Если учесть и «ускоренников», то полноценного военного образования не имело более 50 % комначсостава «предрепрессионной» РККА!

Вполне естественно, что (как отмечала, например, комиссия, инспектировавшая в июне 1932 г. Среднеазиатскую объединенную военную школу) ускоренные выпуски из нормальных школ приводили «к неполной отработке программ и к выпуску [...] недостаточно квалифицированных командиров»¹¹³. «Ускоренниками» Горьковской бронетанковой школы, констатировали инспектировавшие ее в конце июня 1936 г. работники 3-го отдела АБТУ РККА, «курс основной машины усвоен недостаточно твердо вследствие ограниченного времени»¹¹⁴. То, что квалификация комначсостава, прошедшего лишь ускоренный курс бронетанковых и автомобильных школ, недостаточна, подчеркивал (в конце 1937-го) и начальник автобронетанковых войск ОКДВА комбриг М.Д. Соломатин...

Вполне естественно и то, что квалификация комсостава из сверхсрочных младших командиров была еще хуже, чем у «ускоренников». Мало того, что сверхсрочники отличались еще более низким общеобразовательным уровнем, к ним, указывал в своем докладе от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА» М.Н. Тухачевский, еще и предъявляли пониженные требования. «Дело с подготовкой лейтенантов из состава сверхсрочников», подчеркивал маршал, все еще обстоит «плохо»¹¹⁵. Характерна разница в квалификации лейтенантов-артиллеристов, служивших к октябрю 1936 г. в 37-й стрелковой дивизии БВО: если из тех, кто окончил нормальные школы, правила стрельбы нетвердо усвоила лишь часть, то из бывших сверхсрочников – все. То же самое отмечал и майор Н.А. Клич из УБП РККА, проверявший в июле 1936 г. 33-й артиллерийский полк 33-й стрелковой дивизии того же округа: «Теоретическая подготовка лейтенантов, окончивших окружные курсы комсостава, неудовлетворительна»¹¹⁶...

Что до бывших одногодичников, то, с одной стороны, высокий уровень общего образования облегчал им приобретение должной командирской квалификации, и многими из необходимых командиру умений и навыков они владели даже лучше выпускников «нормальных школ». «[...] В практической службе, в навыках стрельбы, в конной подготовке мы им намного уступали, – вспоминал о командирах из одногодичников И.А. Толконюк, выпущенный в декабре 1936 г. из 1-й Киевской артиллерийской школы в 74-й артиллерийский полк 74-й стрелковой дивизии СКВО. – [...] Большинство из них было подлинными мастерами артиллерийского дела, подтверждением этому может служить, к примеру, выходец из одногодичников лейтенант Г. Полуместный. Выскочит он, скажем, при перемещении батареи, на высотку верхом на коне, бросит взгляд в сторону огневой позиции и на еле заметную впереди цель – и исходные данные для открытия огня готовы. Он это делал, не пользуясь ни картой, ни компасом, ни биноклем; буквально с хода подавал команды и вел пристрелку цели по наблюдениям знаков разрывов с невероятной точностью. [...] Оказывается, по четкости тех или иных деталей местных предметов он безошибочно глазомерно определял расстояние до цели и огневой позиции, углы измерял по насечке делений угломера на нижнем срезе козырька фуражки, незаметной постороннему глазу; насечка ему заменяла бинокль. Вычисление исходных данных для стрельбы такой виртуоз производил устно с помощью выработанных практикой мнемонических правил. Одногодичники вначале превосходили нас и в вопросах полной подготовки данных, где использовались топокарты, планшеты, специальные масштабные линейки, циркули-измерители, брысов-

ские целлулоидные артиллерийские круги и таблицы логарифмов. [...] Но через три-четыре месяца командирской учебы многие из нас не только сравнялись с виртуозами, но и превзошли их»: в *теоретическом* отношении одногодичники «были значительно слабее» выпускников нормальных школ¹¹⁷. Должного знания *теории* стрельбы краткосрочные курсы дать не могли...

Еще в большей степени это относится к комначсоставу из командиров запаса, точнее, к тем из них, кто получил военные знания в гражданском вузе (и прошел затем лишь месячные сборы или созданные в 1936 г. 4-месячные курсы доподготовки). К чему могла сводиться подготовка командира запаса в гражданском вузе 20-х – 30-х гг., видно, например, из воспоминаний учившегося в 1929–1933 гг. в ленинградской Лесотехнической академии Б.Н. Соколова: «Без конца раскладывали польские карты и на них разыгрывали наступление на фольварк Попишки. По теории стрельбы всегда упражнялись в пятой задаче»¹¹⁸ – знания теории, как мы видели, вообще не требовавшей... Комначсостав запаса, подытоживал 8 декабря 1935 г., на Военном совете при наркоме обороны, начальник ПУ РККА Я.Б. Гамарник, в гражданских вузах готовят плохо. Командиры запаса из выпускников гражданских вузов, подчеркнул там же 9 декабря комвойсками БВО И.П. Уборевич, «в военном отношении никуда не годные», «наша переподготовка мало дает результатов» (призванных на переподготовку, подтвердил выступивший затем заместитель начальника Генштаба РККА комкор В.Н. Левичев, толком не учат)¹¹⁹.

То же самое констатировалось и в докладе М.Н. Тухачевского от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА»: «подготовка командиров запаса организована неудовлетворительно», качество их обучения в гражданских вузах низкое¹²⁰. Красноречив и эпизод совещания политработников РККА 4 августа 1937 г. Когда начальник Управления по комначсоставу РККА армейский комиссар 2-го ранга А.С. Булин отметил, что подготовка комначсостава запаса «идет очень плохо», кто-то бросил реплику: «Она никак не идет». «И учат плохо», – тут же вставил другой («И учат плохо», – согласился Булин...) ¹²¹.

Что до квалификации выпускников командных курсов 1918–1923 гг., то, указывалось в докладе заместителя председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянского о состоянии РККА от 28 марта 1923 г., средний комсостав (состоявший в массе своей из питомцев «комкурсов». – А.С.), «по общим, единодушным заявлениям строевых начальников, еще весьма слабо подготовлен, и широко развитая сеть повторных школ, пропускающая ежегодно до трети всего комсостава, еще не успела внести крупного корректива в это дело [...]»¹²². (Как видно из таблицы 4, несмотря на «широко развитую сеть», у известного процента комначсостава военное образование ограничивалось «комкурсами» еще и в середине 30-х).

Что же касается отсутствия у части советского комначсостава военного образования вообще, то, комментируя в 1934 г. этот факт, видный русский военный писатель полковник А.А. Зайцов отмечал, что за десять лет из такого командира может выработаться «хороший унтер-офицер и даже, с грехом пополам, сносный младший офицер», но что даже такой стаж практической работы «совершенно недостаточен, и в условиях современного развития военной техники никак не может заменить общей и специальной подготовки, необходимой офицеру, предназначенному для занятия ответственной должности, не говоря уже о высшем командном составе»¹²³. Мы видели, что в 109-м стрелковом полку в июле 1935 г. лица без военного образования командовали батареями – но, указывал еще в 1930 г. инспектор артиллерии РККА В.Д. Грендаль, выходцы из младшего комсостава могут справиться лишь с командованием огневым взводом (командир которого в значительной степени является лишь исполнителем приказов командира батареи. – А.С.). На должности командира батареи (который готовит данные для стрельбы. – А.С.) эта группа комсостава будет уже «очень слаба» – и, «за единич-

ными исключениями», будет «совершенно не подготовлена для дальнейшего служебного продвижения»¹²⁴...

А у не имевших военного образования «младших офицеров» РККА отсутствовал и предписанный Зайцовым 10-летний командный стаж! «[...] Очень редко встречаешь в пехоте комвзводов и ком[андиров] рот с 2-х летним стажем», – подчеркнул 22 марта 1935 г., вернувшись из 27-й стрелковой дивизии БВО, заместитель начальника 2-го отдела Штаба РККА С.Н. Богомяков¹²⁵. В 43-й стрелковой дивизии БВО на 14 октября 1935 г. из 72 кадровых командиров взводов 50 состояли в этой должности всего год, 9 – два года, 9 – три года, 3 – четыре года и лишь 1 – пять лет; из 32 командиров рот у 17 был лишь годичный стаж пребывания в должности, а у 12 – лишь 2-годовой...¹²⁶

Не следует также преувеличивать значение того факта, что, например, в УВО к 1935 г. треть старшего и более чем две трети высшего комсостава, а в 96-й дивизии КВО к 1936 г. аж 95 % старших командиров закончили (см. табл. 4 и 5) курсы усовершенствования командного состава (КУКС) или даже военные академии. Зная о низком уровне общего образования советского комначсостава и о неполноценности полученного значительной его частью базового военного образования, можно было даже и без доступа к советским документам сделать тот вывод, который сделал в 1934 г. тот же полковник А.А. Зайцов: время, которое в других армиях «затрачивается на подобных курсах на приобретение новых знаний, в Красной Армии неизбежно уходит, в большей своей части, лишь на пополнение пробелов недостаточной основной подготовки»¹²⁷. О том же писал в 1935 г., в тезисах к докладу «О реализации постановления ЦИК СССР о высшей школе и ВВУЗ [высших военно-учебных заведениях. – А.С.] РККА», и помощник инспектора ВВУЗ РККА Г.Г. Невский: до вышедшего 16 сентября 1932 г. постановления из-за «очень слабой подготовки поступающего контингента» и «неудовлетворительной работы нормальных школ» «правильно обслужить обучаемых» военным академиям «не удавалось» и академии «в значительной мере снизились до уровня техникумов [выделено мной. – А.С.]»¹²⁸.

В самом деле, на 1 января 1929 г. 23,4 %, а спустя ровно год 17,8 % слушателей советских сухопутных военных академий вообще не имели военного образования, а еще соответственно 28,8 % и 25,6 % не кончали ни нормальной военной школы, ни военного училища русской армии. Иными словами, около половины слушателей пытались получить высшее военное образование, не имея среднего, а то и вообще никакого! К тому же на 1 января 1929 г. 38,4 % (на 1 декабря 1927 г. – 51,7 %) имели лишь низшее общее образование. На 1 января 1930 г. этот процент вырос до 44,4 (а еще 0,3 % были вообще без образования) и продолжал расти вплоть до 1932-го (так, среди принятых в Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе в 1929-м лиц с низшим образованием было 56,6 %, а в приеме 1930-го – уже 81,5 %) ¹²⁹.

Что, кроме «уровня техникума», могла дать таким лицам академия? «Большим препятствием в их работе, – признавал, характеризуя советские военные академии периода 1924–1932 гг., начальник ГУ и ВУЗ РККА Б.М. Фельдман, – являлся недостаточный общеобразовательный уровень слушателей»¹³⁰...

Да и после 1932-го дела обстояли не лучше. «Основными недостатками при приеме в военные академии в 1933 г. и в Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1934 г., – констатировал 2 июля 1934 г. тот же Б.М. Фельдман, – явились: недостаточная подготовленность кандидатов по общеобразовательным дисциплинам и, особенно, по математике для поступающих в специальные академии»¹³¹. Что, кроме «уровня техникума», могла дать поступившим на ее основной факультет в июне 1934 г. академия имени Фрунзе, если 41,4 % этих командиров получили на приемных экзаменах пять и более «неудов», 18,7 % – четыре, 36,1 % – от одного до трех и только 2,8 % были приняты без «неудов»? Если «Фрунзевка» и в 1934-м

стояла перед «необходимостью доучивания командиров» даже по общеобразовательным дисциплинам и явно должна была доучивать их и по элементарной тактике (за которую 42,6 % поступивших в 1933-м получили на приемных экзаменах «неуд»)?¹³² Что, кроме «уровня техникума», могла дать своему приему 1934 года Военная академия механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина (ВАММ), если работнику 5-го отдела ПУ РККА Е.М. Борисову пришлось тогда потребовать «срочных и решительных мер» для того, чтобы оставить только тех из принятых, кто «по своей общеобразовательной подготовке и по способностям сможет обеспечивать нормальное прохождение учебной программы»?¹³³ Если принятые в 1933 г. на командный факультет ВАММ обладали «явно недостаточным общекультурным развитием»¹³⁴ и знаниями, о которых красноречиво свидетельствует таблица 6?

Таблица 6

Оценки, полученные на приемных экзаменах командирами, принятыми в 1933 г. на командный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА (в %)¹³⁵

Предмет	1 балл	2 балла	Всего с неуд. баллами	3 балла	4 балла	5 баллов
Русский язык	—	15,3	15,3	43,3	33,8	7,6
Тригонометрия	24,6	43,3	67,9	н/д	н/д	н/д
Топография	—	35,2	35,2	31,0	29,2	4,6
Тактика	1,5	12,3	13,8	67,8	16,9	1,5

Примечание: н/д – нет данных.

В такой среде «массовым явлением» были «неумение работать над книгой», «огромная трата времени на неудачные записи», «беспомощность в пользовании справочником по физматовским предметам»... Однако, напоминал Е.М. Борисов, «попасть в академию легко, а вот «вылететь» за непригодность крайне трудно». В результате окончившие ВАММ инженеры – как показала предпринятая в 1934 г. проверка – «не владели математическими познаниями»¹³⁶, а многие из окончивших ВАММ помощников командиров танковых рот по технической части матчасть танкового вооружения еще и в 1935 г. «нередко» знали хуже, чем командир башни (то есть младший командир срочной службы)¹³⁷...

Начальник Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского комдив Д.Д. Тризна еще и 17 марта 1936 г. констатировал, что Красная Армия «не в состоянии обеспечить академию нужным контингентом». Даже при том, писал он, что прием 1935 года составил только 90 человек (в 1931-м – 252), «ко всем кандидатам-командирам мы вынуждены были предъявлять несколько пониженные требования»¹³⁸. «Хотя общеобразовательная подготовка слушателей Артиллерийской академии в среднем выше, чем у студентов наших гражданских вузов [высших технических учебных заведений. – А.С.], – писал в 1935 г. начальник учебного отдела академии Я.М. Шапиро, – все же недостатки этой подготовки сильно тормозили весь ход учебного процесса. Проведенная поголовная письменная проверка грамотности слушателей всех курсов по русскому языку и по элементарной математике показала неудовлетворительную грамотность известного числа слушателей». До 1934/35 учебного года «недостаточно твердые знания средней математики некоторыми слушателями [так в документе. – А.С.] не давали возможности последним слушать квалифицированную лекцию. Отсюда попытки превратить лекцию в диктовку и постоянные жалобы на быстрый темп лекции». Неудивительно,

что впервые проведенные в 1934 г. на 3-м курсе переводные экзамены по высшей математике, физике и теоретической механике «выявили неумение значительного числа слушателей применять полученные теоретические знания к решению мало-мальски сложных задач»¹³⁹ и что инженеров Артиллерийская академия и к 1937-му выпускала, как мы видели выше, «еще недостаточно квалифицированных»...

Оценку советского академического образования 20—30-х гг., данную в 1934 г. белым полковником Зайцовым, подтвердил и сам К.Е. Ворошилов. «Беда заключается в том, – отметил он 9 декабря 1935 г. на Военном совете при наркоме обороны, – что мы принимаем людей неподготовленных, что они не успевают переваривать то, что им дают. [...] Наши слушатели всех академий воют, что им такими темпами преподают, что они не успевают воспринимать, и поэтому движение вперед идет на холостом ходу»¹⁴⁰.

Слушатель советских военных академий, добавлял в том же году помощник инспектора ВВУЗ РККА Г.Г. Невский, «не умеет планировать свое время», «не знает способов работы»; вообще, «борьба за качество учебы, за подготовку высококвалифицированного командира перwokлассной армии мира, только еще начинается»¹⁴¹...

То же самое и с КУКС. Созданные в 1921 г. (под названием Военно-академических курсов высшего комсостава) Курсы усовершенствования высшего комсостава РККА (КУВК) прямо были призваны заниматься обучением лиц, «не получивших систематической военной подготовки», – и лишь с 1927/28 учебного года их задачей стало «регулярное освежение знаний высшего начсостава РККА»¹⁴². Что же касается КУКС в целом, то еще и в 1929/30 учебном году полноценное базовое военное образование имелось менее чем у половины их слушателей (нормальную военную школу окончили только 47,2 %; у 18,3 % за плечами были лишь командные курсы времен Гражданской войны, у 13,2 % – ускоренные курсы военных училищ и школ прапорщиков времен Первой мировой, у 14,3 % – такие курсы усовершенствования, которые не смогли восполнить нехватку базового военного образования, а у 6,6 % военного образования вообще не было). Мало того, у $\frac{3}{4}$ слушателей (у 73,5 %, а в 1927/28 учебном году – у 76,3 %) имелось лишь низшее общее образование¹⁴³. Вполне понятна поэтому ситуация, зафиксированная 25 марта 1930 г. начальником 3-го отдела УВУЗ ГУ РККА Рошковским: «Все КУКС отмечают, что к прохождению нормальных программ слушатели все же не подготовлены [...]»¹⁴⁴.

Итог подвел 6 апреля 1937 г. начальник политотдела Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава (АКУКС) дивизионный комиссар И.М. Вейнерович: «до сих пор» на АКУКС «значительные группы командиров» *«приходилось доучивать простейшим вопросам, не выходящим из пределов теоретических сведений, даваемых нормальными школами [выделено мной. – А.С.]»*¹⁴⁵.

То же и у танкистов. Поскольку, докладывал 7 марта 1934 г. инструктор культпросветотдела ПУ РККА Пухов, около половины слушателей Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования начальствующего состава РККА имени тов. Бубнова «не подготовлены к прохождению программы, по технике и огневому делу в первую очередь» и «не справляются с тем учебным материалом, который им преподносится», программы по огневому и техническому циклам необходимо упростить... То же самое впору было делать тогда и на Курсах усовершенствования старшего и среднего технического состава мотомеханизированных войск – где к апрелю 1934-го даже в техническом отношении («особенно по вопросам эксплуатации и ремонта») более 50 % слушателей были подготовлены неудовлетворительно, а тактику танковых войск слушатели знали на «неуд» поголовно («отдельные товарищи» с ней были «совсем не знакомы»). Это и понятно: на танковых техниках большинство этих выходцев из пехоты и артиллерии были подготовлены на ускоренных курсах, а общеобразовательная их подготовка была просто несерьезной (30 % закончили лишь 4–5 классов, а 50 % – либо от 1 до 3, либо

вообще никогда не учились в общеобразовательной школе. Не случайно до 60 % слушателей не умели ни читать карту, ни написать короткое донесение, ни отдать простейшее распоряжение...) ¹⁴⁶.

Кроме того (см. табл. 4), 5–6 % старших и 50 % высших командиров с академическим образованием и 30 % старших командиров, пропущенных к 1935 г. через КУКС – это для 30-х гг. XX века очень мало. Это означало, что в важнейшей стратегической группировке войск РККА через КУКС прошли далеко не все командиры стрелковых батальонов. А ведь получение командиром роты батальона требовало от него совсем другого уровня квалификации: оно превращало его из пехотного в общевойсковой командира – в подчинении которого находятся уже и пехота, и артиллерия, и связисты и который должен уже организовывать взаимодействие с дивизионной артиллерией и танками! Не зря еще в марте 1924 г. подкомиссия по прохождению службы комсостава, созданная Революционным военным советом СССР (РВС СССР), считала, что комбатами можно назначать только окончивших «высшую школу своего рода войск» ¹⁴⁷ (то есть те же КУКС)...

Среди командиров артиллерийских дивизионов Красной Армии через АКУКС еще к концу 1935 г. были пропущены лишь 40,5 %, а Артиллерийскую академию закончили всего 0,2 %; среди командиров артполков «академиков» было лишь 10,5 %, а 80,3 % (то есть даже не все остальные) закончили только АКУКС. Огласив 8 декабря 1935 г. на Военном совете при наркомате обороны эти сведения, начальник ПУ РККА Я.Б. Гамарник с полным основанием заявил: «[...] Подготовка наших артиллерийских командиров недостаточна» ¹⁴⁸...

Правда, сравнив данные таблиц 4 и 5, можно заключить, что с 1934-го по 1936 г. процент старших командиров, окончивших КУКС и академии, заметно повысился. Но, во-первых, экстраполировать цифры, содержащиеся в таблице 5, на всю РККА начала 1936 г. нельзя: эта таблица освещает не рядовые части и соединения, а приграничную и «ударную» дивизии важнейшего в стратегическом отношении округа и предназначенный для их поддержки полк тяжелой артиллерии. Во-вторых, даже и в таких соединениях и частях ситуация отнюдь не всегда изменялась в лучшую сторону. Как видно из тех же таблиц, в «ударной» (!) 24-й стрелковой дивизии доля выпускников КУКС в начале 1936-го оставалась точно такой же, что и полутора годами раньше во всем УВО. А в 17-м корпусном артполку картина была даже хуже, чем средняя по артиллерии РККА на конец 1935 г. Процент «академиков» среди старшего комсостава этой части равнялся не 10–11, а нулю, а АКУКС закончили не 40 % старших командиров, а лишь 33 %. И это в тяжелой артиллерии с ее повышенными требованиями к выучке комсостава...

Неполноценной была и подготовка, полученная значительной частью *младшего комсостава* «предрепрессивной» РККА. В кадровых частях в 1935/36 учебном году его готовили в учебных батальонах и дивизионах, а до того и после того – в полковых, батальонных (в отдельных батальонах) и дивизионных (в отдельных дивизионах) школах. Курс этих учебных подразделений был 11-месячным – но в «предрепрессивный» период его очень часто сокращали. Так, в апреле – мае 1935 г. в младшие командиры в Красной Армии было произведено немало таких курсантов полковых школ, которые не успели даже пройти весь курс стрельб; в Особом стрелковом корпусе ОКДВА в том году младших командиров готовили всего 6 месяцев. А в 1936-м из-за серьезного увеличения численности РККА срок подготовки младшего комсостава пришлось сокращать уже до 3–4 месяцев! В докладе М.Н. Тухачевского от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА» указывалось, что так поступали лишь в отдельных случаях, но, согласно годовому отчету КВО от 4 октября 1936 г., даже в этом важнейшей группировке РККА количество «младшего комсостава с ускоренной подготовкой (3–4 месяца)» – обученного «далеко не достаточно» – было тогда «значительным» ¹⁴⁹.

К апрелю 1937 г. младший комсостав «почти всех» батальонов связи стрелковых дивизий ОКДВА целиком состоял из выпущенных досрочно; в батальонах связи стрелковых корпусов ОКДВА он тоже был «в большинстве досрочных выпусков» (и, соответственно, «являлся неполноценным»). Только «очень ускоренную школу» прошел (оказавшись в результате «подготовленным неудовлетворительно») и весь младший комсостав, которым располагала той весной 59-я стрелковая дивизия Особой Дальневосточной¹⁵⁰...

«Следует прекратить практику досрочных выпусков курсантов [учебных подразделений. – А.С.] младшими командирами, – решительно заявил в октябре 1936 г., после ознакомления с 39-й стрелковой дивизией ОКДВА, комбриг К.Д. Голубев из УБП РККА, – так как они выходят неполноценными»¹⁵¹.

В территориальных же частях – где до 1936/37 учебного года курс полковых школ был не 11-, а 5—6-месячным – неполноценными младшие командиры оказывались по определению.

Недостаточная опытность командного состава

Еще одной особенностью комначсостава «предрепрессивной» РККА было чрезвычайно быстрое продвижение по служебной лестнице – и, соответственно, *малый стаж пребывания в должности* (а значит, и недостаточная опытность).

Эту особенность принято считать наследием 37-го года – но возникла она еще в 20-е. Так, в апреле 1925 г. 75 % комсостава Красной Армии состояло в занимаемой должности менее года (причем половина этого количества – менее полугода), а в 1926-м у 40,9 % командиров стаж пребывания в занимаемой должности составлял менее 2 лет¹⁵². Свыше 50 % командиров, выпущенных из нормальных военных школ в 1923 г., в 1927-м уже командовали ротами, то есть на должностях командира взвода и помощника командира роты находились не более, чем по два года. Еще 20 % в 1927-м были уже помощниками командира батальона, а 5,2 % командовали батальонами¹⁵³ (иными словами, пребывание на каждой из предшествующих командных должностей заняло у них не более, чем по году). В иностранных армиях даже до командира роты тогда надо было дослуживаться 6—12 лет; так, в Польше роту получали лишь на 10-м – 12-м году офицерской службы...

Встречались в 20-е гг. случаи и еще более стремительного служебного роста. И встречались довольно часто: знакомясь с биографиями ставших позднее известными командиров, мы то и дело натываемся на такие прецеденты. Так, И.Н. Руссиянов, будучи выпущен в 1924 г. из военной школы командиром взвода в 81-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии Западного (с октября 1926 г. – Белорусский) военного округа,

- уже через несколько месяцев стал командиром роты,
- еще через несколько месяцев, в ноябре 1925 г. – помощником командира батальона (в 22-м стрелковом полку 8-й стрелковой дивизии того же округа),
- еще через год с небольшим (и менее чем через три года после производства в командиры РККА), в марте 1927-го, – командиром батальона (в том же 22-м полку),
- а еще через год, в марте 1928-го – помощником командира полка (24-го стрелкового в той же 8-й дивизии)!

Путь от комвзвода до комполка (в сентябре 1932 г. Руссиянов принял 10-й стрелковый полк 4-й стрелковой дивизии БВО) занял у него всего 8 лет! Еще один командир, служивший тогда в Западном/Белорусском округе, В.Н. Баерский, проделал этот путь за 7 лет: окончив военную школу в 1925 г., он уже в 1927-м стал командовать (в 37-й стрелковой дивизии) ротой, затем мгновенно прошел через должности помкомбата, комбата, помнаштаба и начштаба полка – и в 1932 г. оказался исправляющим должность командира 80-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии (каковым и оставался до 1934 г.). В каждой из должностей, на которых Баерский служил до этого, он задерживался не более года!

В артиллерии многие командиры, выпущенные из военных школ в 1923–1924 гг., в 1930-м командовали уже дивизионами¹⁵⁴, то есть пребывание на должностях командира взвода и командира батареи заняло у них всего по 2–3 года. «Продвижение комсостава на должность к[оманди]ра батареи, – подчеркивал 20 октября 1930 г. инспектор артиллерии РККА В.Д. Грендаль, – в настоящий момент не всегда обеспечивается достаточным пребыванием в должности командира взвода и необходимой тренировкой в командовании как огневым, так и взводом управления, что нередко отрицательно сказывается на работе молодых комбатров»¹⁵⁵. Так, И.Д. Черняховский – прокомандовавший перед тем, как принять в 1930 г. батарею 17-го корпусного артиллерийского полка УВО, взводом (да и то не линейным, а учебным) всего два года. В.А. Кардаков – принявший в 1930 г. батарею в 1-м Кавказском артиллерийском полку 1-й Кавказской стрелковой дивизии Краснознаменной Кавказской армии – вообще только за год

до того окончил военную школу! С.С. Степанов до получения в мае 1928 г. батареи командовал огневым взводом всего четыре месяца (с апреля по август 1924 г.), а затем занимал должности адъютанта дивизиона, казначея дивизиона и начальника разведки батареи, то есть как стреляющий командир не рос...

Артиллерии РККА, напоминал Грендаль, на практические стрельбы и так отпускается меньше снарядов, чем в других армиях, а если учесть еще и «сроки пребывания в должностях офицерского состава царской и настоящих буржуазных армий и командного состава РККА (командир взвода – командир батареи), то количество стрельб, выпадающих на долю последних по сравнению с первыми, придется уменьшить не менее, чем на 50 %»¹⁵⁶. О последствиях этого для стрелково-артиллерийской выучки командиров говорить, думается, излишне...

Быстрые темпы служебного роста сохранялись и в первой половине 30-х. Так, в 1933 г. в должности было повышено больше командиров и начальников, чем в пресловутом 1937-м (когда армия была к тому же в полтора раза больше по численности)! Правда, сообщая это 29 ноября 1938 г. Военному совету при наркомате обороны, К.Е. Ворошилов и для 33-го и для 37-го привел приумноженные цифры (соответственно 28 363 и 26 000 назначений), но нам сейчас важны не сами числа, а соотношение между ними¹⁵⁷.

«За истекшие два года, – значилось в подписанной 2 января 1935 г. политхарактеристике 5-й стрелковой дивизии БВО, – начсостав как по возрасту, так и по стажу армейской работы, в результате перемещений и перебросок в технические части, значительно омолодился [...] особенно категория командиров взводов»¹⁵⁸. Мы видели, что, докладывая 22 марта 1935 г. о результатах инспектирования им 27-й стрелковой дивизии БВО, заместитель начальника 2-го отдела Штаба РККА С.Н. Богомяков счел необходимым подчеркнуть, что в РККА вообще «очень редко встречаешь в пехоте комвзводов и ком[андиров] рот с 2-х летним стажем». «Эти важнейшие вопросы касаются всей армии», – пометил он 8 октября 1935 г. и на проекте приказа о результатах сентябрьского инспектирования 43-й стрелковой дивизии БВО – в котором также говорилось об «отсутствии опытного» среднего комсостава¹⁵⁹.

В самом деле, в 1936-м и первой половине 1937-го командиры рот в РККА практически никогда не имели звание выше старшего лейтенанта. А ведь даже тому, кто получил роту всего через 4 года после выпуска из военной школы (после 2 лет службы командиром взвода и 2 – помощником командира роты) и прокомандовал ротой только 2 года, – даже и такому комроты выпущенная в конце сентября 1935 г. инструкция по аттестации комсостава требовала уже присваивать звание «капитан»! Из той же инструкции явствует, что в 1935-м в РККА не редкостью были и командиры, получившие роту уже через 3 года после выпуска из военной школы.

Бывало и еще хуже. В.Н. Баскаков через три года после окончания в 1932-м военной школы командовал (в 13-й механизированной бригаде 5-го механизированного корпуса МВО) даже не ротой, а танковым батальоном, то есть отдельной частью! В 5-й механизированной бригаде БВО в том же 1935 г. на танковые роты ставили и таких лиц, которые не только были произведены в командиры РККА всего тремя годами ранее, но и никогда не командовали взводом. И это в приграничном округе...

В ХВО все те командиры рот, которые были подготовлены на 6—8-месячных курсах (и которые к концу 1935-го составляли в пехоте округа 75 % всех ротных), окончили эти курсы лишь в 1933–1934 гг.¹⁶⁰ Следовательно, к концу 1935 г. в пехоте ХВО – который еще в начале мая был частью приграничного УВО – 75 % командиров рот не просто находились в должности максимум 1–1,5 года, но и, вполне вероятно, получили роту, ни дня не прокомандовав взводом! А из:

– годового отчета УВО от 17 октября 1934 г. (в котором, кстати, прямо указывалось, что «недостаточный стаж и, следовательно, малоопытность» начсостава, «естественно, сказывались на темпах и качестве боевой подготовки»¹⁶¹),

– годового отчета ХВО от 5 октября 1935 г. (в котором – как и в аналогичном отчете МВО от 19 октября 1935 г. – также отмечалось, что, «как и в прошлом году, текучесть начсостава [результат слишком быстрого продвижения его по службе. – А.С.] явилась одной из причин, отрицательно влиявших на качество боевой подготовки»¹⁶²) – и

– выступлений 8 декабря 1935 г. на Военном совете при наркоме обороны начальника ПУ РККА Я.Б. Гамарника (указавшего, как мы уже видели, что «служебный стаж» советских командиров-артиллеристов «недостаточен») и замкомвойсками МВО комкора Б.С. Горбачева – подчеркнувшего, что «особенностью» его округа является «исключительная молодость» комсостава», особенно в пехоте¹⁶³ —

видно, что еще накануне и в период проведения знаменитых Киевских маневров «малоопытностью» отличались отнюдь не только средние командиры РККА (см. табл. 7).

Таблица 7

Стаж в занимаемой должности комсостава некоторых соединений, округов и родов войск в 1934–1935 гг.¹⁶⁴

Округ (род войск, соединение)	Должности	Стаж в занимаемой должности, в %					
		Менее 1 года	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет
УВО, на 17.10.1934	командиры стрелковых и пулеметных рот	21,4	52,5	14,3	11,8		
	командиры стрелковых батальонов	31,5	36,4	17,9	14,2		
	командиры стрелковых полков	13,3	28,3	25,0	33,0		
	командиры стрелковых дивизий	20,0	30,0	20,0	30,0		
	командиры батарей	22,0	52,3	13,9	11,8		
	командиры артиллерийских полков	7,7	20,5	25,6	33,0		
ХВО, на 05.10.1935	командиры стрелковых и пулеметных рот	30,0	27,0	29,0	14,0		
	командиры стрелковых батальонов						
пехота 43-й стрелковой дивизии БВО, на 14.10.1935	кадровые командиры взводов (72 чел.)	—	69,4	12,5	12,5	4,2	1,4
	командиры рот (32 чел.)	—	53,1	37,5	6,3	3,1	—
	командиры батальонов (8 чел.)	—	62,5	12,5	12,5	12,5	—
артиллерия РККА, на 08.12.1935	командиры дивизионов	27,0	45,4	21,4	—	6,2	—
	командиры артполков	23,9	25,0	20,3	—	30,8	—

Ну а в 1936-м количество перемещенных на более высокую должность командиров и начальников и в абсолютных и в относительных цифрах опять оказалось выше, чем в году начала массовых репрессий – 1937-м (см. табл. 8)!

Таблица 8

Количество назначений комначсостава РККА на вышестоящие должности в 1935–1937 гг.¹⁶⁵

Категория комначсостава	1935	1936	1937
высший	105	567	585
старший	2750	8960	7620
средний	23 422	28 255	26 351
всего	26 277	37 782	34 556
в % к штатной численности	21,5	29,1	23,8

В результате в 1936-м батальонами и дивизионами в РККА кое-где командовали уже старшие лейтенанты, а полками – капитаны! (Подобную картину принято отождествлять исключительно с годами репрессий.) 1-й батальон 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии БВО в мае 1936-го принял старший лейтенант П.И. Саранский (чей общий командирский стаж к тому времени составлял неполных 5 лет); командиром 1-го дивизиона 8-го конно-артиллерийского полка 8-й кавалерийской дивизии ОКДВА в ноябре 1936 г. был старший лейтенант Г.С. Владычек. 67-м кавалерийским Кавказским полком 12-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии СКВО в сентябре 1936 г. командовал капитан Г.Г. Скворцов, а во главе 198-го стрелкового полка 66-й стрелковой дивизии ОКДВА к декабрю того же года оказался капитан Р.А. Мордасевич (Мардосевич)...

Ротами же в 36-м сплошь и рядом стали командовать лейтенанты – в том числе и никогда не командовавшие ни взводами, ни введенными в том году полуротами.

В 21-й стрелковой дивизии ОКДВА к концу 1936 г. такие – поставленные на роту прямо «со школьной скамьи», «малоподготовленными» – лейтенанты составляли 70 % командиров рот! Их надо было, отмечал в апреле 1937-го комдив-21 комбриг И.В. Боряев, учить и «организации, и методам занятий» с ротой, и «вопросам планирования» этих занятий¹⁶⁶... Такая картина была тогда, по-видимому, типична для всей Особой Дальневосточной. «Ротами у нас руководят молодые лейтенанты, – указывал 26 апреля 1937 г. на партконференции 39-й стрелковой дивизии делегат 117-го стрелкового полка, – [...] их надо учить». «Наши кадры молодые, – напоминал спустя день или два на партконференции 92-й стрелковой дивизии представитель 39-го корпусного артиллерийского полка, – на батареях у нас нет ни одного старшего лейтенанта [то есть одни лишь лейтенанты. – А.С.]»¹⁶⁷.

А сформированными в конце 1936 г. в стрелковых полках ОКДВА ротами тяжелого оружия в начале 1937-го командовали и вовсе младшие командиры!¹⁶⁸ Значит, на все вакансии командиров рот в Особой Дальневосточной тогда не хватало даже и новоиспеченных лейтенантов...

В другом важнейшем приграничном округе – БВО – «молодость значительного числа средних командиров» к началу 1937 г.¹⁶⁹ дошла до того, что, например, в батальоне упомянутого выше П.И. Саранского 2-й стрелковой ротой не позднее весны 1937 г. стал командовать лейтенант И.Н. Хорошкевич – произведенный в командиры РККА лишь в январе 1936-го. Еще лейтенантом и еще до мая 1937-го стал командовать танковой ротой (в 4-й механизированной бригаде БВО) и Д.Д. Погодин...

Вообще, в последние «предрепресссионные» месяцы во главе подразделений в РККА оказались еще менее опытные командиры, чем раньше. В пехоте ЛВО к осени 1936 г. менее, чем годичный стаж пребывания в должности имели уже не 20–30 %, а «большинство» команди-

ров рот Еще хуже было в МВО. У нас, заявлял 14 октября 1936 г. на Военном совете при наркоме обороны командир 3-го стрелкового корпуса этого округа комкор Г.И. Кулик, хотя бы годичный стаж «вы очень редко найдете» не только у командиров рот, но и у комбатов. В 14-й стрелковой дивизии 3-го корпуса перед сентябрьскими маневрами 1936 года сменилось 50 % командиров батальонов!¹⁷⁰

То же и в главных группировках РККА. Комначсостав в полку «почти весь молодой», подчеркивал 13 мая 1937 г., на 1-й партконференции Приморской группы ОКДВА, командир 62-го стрелкового полка полковник И.В. Заикин. В таком же положении оказалась к началу 37-го и 4-я механизированная бригада БВО: «комсостав бригады, особенно звено комвзводов и мл[адших] командиров, был новый»¹⁷¹. В отдельных батальонах связи стрелковых дивизий ОКДВА в апреле 1937 г. «большинство» комсостава состояло из лейтенантов осеннего выпуска 1936 года, а в полках 34-й стрелковой дивизии той же армии (кроме 102-го стрелкового) исключительно лейтенантами выпуска 1936 г. пришлось укомплектовать даже подразделения, требовавшие особо опытного комсостава – полковые школы! «Неопытность» комсостава 40-го артиллерийского полка 40-й стрелковой дивизии ОКДВА московские инспектора отмечали еще в октябре 1936 г., а весной 1937-го «молодость командиров подразделений» была характерна и для стрелковых частей 40-й – настолько, что в ней даже видели главную причину «слабой подготовки рот»¹⁷². И действительно, к лету 1937 г. «омоложение (и разжижение) комначсостава» в 40-й дошло до того, что менее года в занимаемой должности там состояло уже 77 % (7 из 9) командиров батальонов, 67 % (30 из 45) командиров рот и 95 % (17 из 18) помощников начальников штабов полков и начальников штабов батальонов¹⁷³.

В единственном сохранившемся от «предрепресссионных» лет приказе по 156-му стрелковому полку 52-й стрелковой дивизии БВО – от 23 ноября 1936 г. – мы тоже находим констатацию того факта, что большое количество командиров не подготовлено к работе на занимаемых ими должностях. Тут, перечислял комполка майор К.А. Журавлев, и командиры полурот, и командиры пулеметных рот и рот тяжелого оружия, и работники батальонных и полкового штабов¹⁷⁴...

Еще красноречивее признание годового отчета самого мощного и передового из советских военных округов – КВО – от 4 октября 1936 г.: «На сегодняшний день у нас нет ни одного штаба, где основные работники были бы с двух-трехлетним стажем и обладали бы в полной мере практикой работы»¹⁷⁵.

Слишком быстрый служебный рост комначсостава имел и еще одно отрицательное для боевой выучки армии следствие. «В результате большой текучести», указывал в начале лета 1937 г. комдив-40 комбриг В.К. Васенцович, командиры не только «не успевают усвоить свои обязанности», но и проникаются «настроениями временного пребывания», что ведет к «процветанию обезлички и безответственности»¹⁷⁶. Если комвзвода находится в должности менее года, а комроты – менее 2 лет, подчеркивал в докладе «Об итогах боевой подготовки РККА за 1935 учебный год...» и начальник 2-го отдела Генштаба РККА А.И. Седякин, реальной ответственности за состояние подразделения у них не будет¹⁷⁷.

Порочная методика тактической подготовки комсостава и младшего комсостава

Порочность этой методики определялась ее *теоретическим уклоном*, неумением привить обучаемым *практические навыки* вождения войск и штабной работы.

Этим теоретическим уклоном страдали еще командные курсы времен Гражданской войны; в результате, писал в 1932 г. начальник ГУ и ВУЗ РККА Б.М. Фельдман, «вся армия» «в один голос заявляла» о «практической непригодности» курсантов «к боевому руководству подразделениями»¹⁷⁸. В появившихся в 1921 г. нормальных военных школах тактику также преподавали не прикладным, а лекционным методом, а затем «лабораторным» – который (как отмечал 24 апреля 1929 г. начальник Среднеазиатских командных курсов востоковедения РККА Василевский), тоже «есть «книжное» изучение предмета и, по сути дела, умовое, пассивное восприятие этого предмета»¹⁷⁹.

Преподаватели и курсанты, сообщал, посетив в декабре 1929 г. пехотные школы в Москве и Харькове, германский полковник Х. Гальм, «довольствуются теоретическими знаниями, которые можно почерпнуть» из «уставов и книг», и «очень охотно избегают практических занятий» по тактике. А если учебный план и предусматривает такие занятия, то они «большой частью остаются в начальной стадии развития, чтобы не сказать: в детской»¹⁸⁰. Вместо погружения курсанта в условия «перманентной военной игры» – которая «включает элементы динамики и заставляет обучающегося постоянно учитывать давление обстановки, воли противника и противопоставлять свою волю, путем быстро принимаемых решений, маневрирования и проч.» – на «практических занятиях» ему давали лишь решать «тактические задачи», каждую из которых можно было «пережевывать месяцами»: ведь «противник» в ход решения не вмешивался, обстановка оставалась статичной¹⁸¹. Кроме того, от курсанта здесь требовалось лишь принять командирское решение; о выработке навыков претворения решения в жизнь (то есть навыков управления войсками) и речи не шло.

«Мы убедились по последним выпускам, – подытоживал 27 ноября 1928 г. на заседании РВС СССР командующий войсками ЛВО М.Н. Тухачевский, – что готовятся командиры, которые не умеют командовать и обращаться с тем взводом, который им поручен». «Отсутствие у выпускаемых курсантов командирских навыков» констатировал тогда и сам Реввоенсовет СССР¹⁸²...

В 1930 г., с приходом к руководству военно-учебными заведениями Б.М. Фельдмана, решили, наконец, перейти к «практически-прикладному» методу обучения тактике в полевых условиях. Однако эта «коренная», по утверждению Фельдмана, «перестройка»¹⁸³ была таковой только на бумаге...

Начать с того, что переход к «практически-прикладному» методу затянулся на годы. Ознакомившись осенью 1931 г. с 13 военными школами Москвы и Ленинграда (то есть почти с 30 % всех сухопутных школ РККА), начальник штаба ВУЗ РККА А.И. Тодорский убедился, что система преподавания тактики осталась прежней, что «вместо усвоения уставных положений чисто прикладным, практическим путем» – через погружение обучаемого в обстановку реального боя – преподаватель «просто пересказывает устав»¹⁸⁴. В Бакинской и Омской пехотных школах «словесность» (когда «учат не действием и показом, а рассказом»¹⁸⁵) была налицо еще и в марте 1932-го. Тогда же преемник Тодорского Е.С. Казанский констатировал, что лекционность и теоретичность в преподавании тактики процветают и в артиллерийских школах, а Фельдман в докладе Ворошилову от 11 января 1932 г. признал, что во всех школах, где был

произведен спецнабор коммунистов (то есть в 50 % артиллерийских, в 40 % бронетанковых и в 33 % школ связи), тактике тоже учат лишь теоретически.

Правда, на Киевских объединенных курсах подготовки командиров РККА прикладной метод – с обучением показом, а не рассказом, с проведением курсантами 70 % времени, отведенного на изучение тактики, в поле, с тренировками на ящике с песком – к весне 1932-го утвердился прочно. Ленинградская пехотная школа (если верить докладу ее начальника на заседании РВС СССР 16 апреля 1932 г.) «словесность» к тому времени тоже «изжила полностью» и 70–80 % занятий по тактике проводила в поле. В Орловской бронетанковой школе к военным играм, ящику с песком и выходам в поле перешли к весне 1933-го. Но вот в Ульяновской бронетанковой «отрыв от поля» был налицо еще и в августе 1933-го; в Московской пехотной тактике и в январе 1934 г. учили путем «натаскивания курсанта к заучиванию голых уставных тактических формул, легко забываемых». А в июне 1934-го Е.С. Казанский выявил, что «поле и ящик с песком как лаборатории тактической подготовки» «не любят» и в находившейся в Московском Кремле Объединенной военной школе имени ВЦИК...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.